Готовность № 1 (О Кузнецове Н Г)

Владимир Рудный

SHOUT
SHARE
IT

- Рудный Владимир
  -

Рудный Владимир
Готовность № 1 (О Кузнецове Н Г)

Рудный Владимир Александрович
Готовность № 1 (О Кузнецове Н.Г.)
Так помечены страницы. Номер предшествует странице.

Аннотация издательства: Автор книги Владимир Александрович Рудный хорошо знал Н.Г.Кузнецова. Книга написана пером писателя исследователя, передающего читателям все свои глубокие симпатии к человеку, о котором он рассказывает.

Содержание

1.Комфлот и лейтенант
2. Красная, 40...
3. Его корабль
4. Урок Испании
5. "Как справлюсь?"
6. Высшая ступень

1. Комфлот и лейтенант

Мартовской ночью 1938 года подводная лодка "Щ-110" вернулась в одну из бухт Владивостока после нескольких суток боевой подготовки в назначенном ей районе Японского моря. Не отдыхая, экипаж приступил к погрузке на борт практических торпед, чтобы на рассвете снова выйти на морской полигон для учебных стрельб. Работу закончили поздно. Командир приказал личному составу отдыхать, прилег и сам в своей крошечной каютке, решив не тревожить среди ночи семью, хотя жил он близко от причала.

"Проснитесь, проснитесь, товарищ командир! - разбудил его вскоре голос вахтенного старшины. - Комфлот на пирсе!"

Надев мгновенно китель и на ходу приводя себя в порядок, командир выбежал в центральный пост - там комфлот еще не был, выскочил на палубу - и там никого, кроме вахтенного у сходни. На стенке, окутанной предутренним туманом, стояла громоздкая автомашина - черный "ЗИС-101", прозванный за свой неуклюжий и мрачный вид катафалком. Кажется, это была единственная в городе, а возможно, и во всем Приморье такая машина, и на ней ездили все командующие флотом, так часто сменявшие друг друга в тот довоенный год.

Вахтенный кивком показал на носовой люк, и командир, досадуя, что не успел у сходни встретить нового командующего, быстро прошел на нос и нырнул в первый отсек.

Увидев высокую и стройную фигуру идущего за старшиной комфлота, оглядывающего уже в третьем отсеке спящих матросов, командир вздернул было ладонь к фуражке и раскрыл рот для рапорта, но комфлот предостерегающе приложил палец к губам, глазами поведя на койки: тише, не будить!..

Комфлот не спеша переходил из отсека в отсек, пригибаясь и осторожно переступая через комингсы, во все вглядывался, не произнося ни слова. Так, молча, сопровождаемый командиром "щуки" и старшиной, он прошел от носа до кормы, легко поднялся по вертикальному трапику на палубу и только здесь сделал несколько замечаний, выяснил, давно ли дан отбой и почему дан поздно, какие задачи решает корабль с утра и сколько суток он уже пробыл вне базы.

Провожаемый командиром комфлот сошел на берег. Возле ЗИСа, прощаясь, он сказал:

- Доложите командиру, товарищ лейтенант, что в целом состоянием корабля я удовлетворен. Командир опешил:

- Разрешите доложить, товарищ командующий! Подводной лодкой "Щ-110" командую я, лейтенант Щедрин.

Комфлот с любопытством взглянул на лейтенанта, на скудный золотой галун над обшлагом кителя - "одна средняя с узкой добавкой": и по должности, и по возрасту маловато; лейтенант быстренько скосил глаза на его, командующего флотом, нашивки - всего "одна широкая". Взгляды их внезапно встретились, долю минуты оба стояли молча - лейтенант, командир подводного корабля, и капитан 1 ранга, командующий флотом - всеми кораблями, авиацией, военно-морскими базами, аэродромами, соединениями мощных береговых батарей ii зениток противовоздушной обороны, связью, гидрографией, тылами и уймой всяких штабов, учреждений и частей на таком огромном океанском театре страны: одних только морских границ 17 тысяч километров - от Берингова пролива до Посьета. Командующий улыбнулся и спросил, сочувствуя: - Ну как, лейтенант, тяжело? Справляетесь с кораблем?

- Стараюсь, товарищ командующий, - спокойно и внятно ответил лейтенант, не удержался и опять скосил глаз на "одну широкую" комфлота: и тебе, мол, тяжеловато, пожалуй, управляться с флотом.

Комфлот, заметив этот задиристый взгляд, рассмеялся, о чем-то задумался, всматриваясь в лицо лейтенанта, возможно, хотел что-то спросить, похоже, давно ли тот ходит в лейтенантах, но передумал и, как на долгие годы запомнил Щедрин, без тени рисовки признался:

- И я стараюсь управляться с флотом. - Комфлот пожал лейтенанту руку и сказал построже: - Старайтесь, товарищ командир.

Машина исчезла в предрассветной мгле. До побудки оставалось время. Спать не хотелось. Командир долго стоял на стенке.

Что знал тогда командир тихоокеанской "щуки" о новом комфлоте? То же, что и все, даже чуть меньше, потому что часто выходил за портовым ледоколом "Добрыня Никитич" в свободное от льдов Японское море и долго там находился, а командующий появился с Запада недавно. Разговоры о нем пошли в разгар осенних учений. Кто-то из флагманских специалистов первой бригады "щук" рассказал, что встретил у штаба флота капитана 1 ранга с тремя боевыми орденами на отлично сшитом белом кителе. Говорили, прислан из Москвы заместителем недавно назначенного командующего, вполне возможно, и будущий комфлот. "Флажка" больше всего потрясло, что этот, "возможно, будущий комфлот" шагал пешком. "Не привык к высоким должностям. Удержится привыкнет!" Черноморцы, а их, как и балтийцев, в то пятилетие понаехало во Владивосток немало, уточнили, что это Николай Герасимович Кузнецов, известный им по Севастополю командир крейсера "Червона Украина", раньше был старпомом на крейсере "Красный Кавказ", ходил в Турцию, в Грецию, в Италию, участвовал в совместном плавании крейсера, эсминцев и подводных лодок в Стамбул; два года назад "Червона Украина" под его командованием вышла на первое место по боевой подготовке на Черноморском флоте, вот тогда и наградили Красной Звездой капитана II ранга Кузнецова. Следующее звание он, очевидно, получил недавно, когда его отправили в республиканскую Испанию. И ордена, пожалуй, за Испанию - Ленина и Красного Знамени. Воевал против фашистов в Испании - это серьезно. Но последняя должность на флоте командир крейсера...

Все вертелось вокруг одного и того же - молодость, неожиданный взлет. Вроде бы и хорошо, что молод, и все же тревожно. Поймет ли, какой тут масштаб, размах?..

А после учений "баковый вестник" - стоустая корабельная молва, на сей раз всефлотская, - заговорил о самой сути: не о том, пеший ли передвигается или раскатывает на ЗИСе, а о поездках, походах, даже полетах по краю, где "тысяча миль - не расстояние". Куда поближе и где можно найти площадку для посадки, летал на "У-2", подальше - выходил на сторожевике или на эсминце, высаживался на едва обжитое и на совсем дикое побережье, где не было даже причальных мостков, приказал командиру эсминца

подойти в приглубом месте к берегу кормой и швартоваться к стволу исполинской лиственницы, словно вросшей в расселину скалы; в будущий укрепленный район или к позициям строящейся тяжелой береговой батареи пришлось добираться по бездорожью, только рассмеялся, когда доложили: "Трактор подан, товарищ капитан 1 ранга!"

За короткий срок успел побывать в далекой и необжитой Советской Гавани, поразился, до чего же она удобна, защищена от всех ветров, бушующих рядом, в Охотском море, где "ветерок в семь баллов - норма", до чего прекрасна, окруженная яркой тайгой и скалистыми берегами бухт, не зря в старые времена ее называли Императорской, а первооткрыватель, соратник Невельского Н. К. Бошняк, завидев такое чудо природы, как весь этот широкий залив и его спокойные глубокие бухты, скомандовал: "Шапки долой!.." Побывал и в Находке, действительной находке для поколений будущих моряков, и в заливе Америка, в бухтах Ольга, Владимир, в Посьете, на самой южной границе операционной зоны флота, дивился совсем уж странному названию одной из бухт - Лошадиное Копыто - и романтике обширного залива Петра Великого: Улисс, Патрокл, Диомид - так были названы и суда русских гидрографов, побывавших здесь в прошлом столетии; видел острова Аскольд, Русский, архипелаг, носящий имя моряка и композитора Римского-Корсакова, пролив Босфор Восточный; через Босфор Западный Кузнецов ходил за годы службы не раз - сколько радости и открытий для сердца моряка! От летчиков, от спутников с эсминца и сторожевика доходили мельчайшие подробности его поведения, и уж конечно не упустили, как попал впросак на одном из "шквалов", не зная нрава здешних морей и бросив нетерпеливо командиру: "Почему не поворачиваете?! Давно пора!" Командир - хотя и мал его кораблик, но морячило опытный, знает, где, когда и как поворачивать в морях Тихого океана, - ответил эдак лениво: "Подстерегаю, товарищ капитан 1 ранга, когда уймется волна и позволит повернуть. У нас тут чихнуть не успеешь, опрокинет..." И рассмеялся капитан 1 ранга, не обиделся.

Значит, и верно, готовится принять флот, спешит до зимы побольше узнать, все увидеть своими глазами, жадно знакомится с условиями здешней жизни, службы, плавания, а они тут сложнейшие. Вот лягут с мая на все лето густые туманы, не пробиваемые ветрами даже в сильнейший шторм, и снова придется морякам пробираться буквально "на ощупь" сквозь лабиринты несметных островов, гранитных скал-кекуров, в хаосе изменчивых течений, постоянно измеряя глубины. Если будет чем

измерять, если получит наконец флот достаточно приборов, какими оснащают новые подводные и надводные корабли. А то всем назначаемым сюда командирам приходится семь потов с себя спустить, прежде чем научатся плавать и днем и ночью по опасным фарватерам да еще в густом тумане при видимости, равной нулю. Не случайно в кают-компаниях тихоокеанских боевых кораблей того времени, переделанных в лучшем случае из старых пароходов Добровольного флота, вывешивали нарисованные маслом на линолеуме немые карты труднопроходимых районов, и возле этих карт разгорались азартные штурманские турниры с участием всех плавающих на корабле командиров...

И вот за два месяца до той мимолетной встречи комфлота и командира "щуки" все произошло так, как и ожидали: в январе 1938 года капитан 1 ранга Н. Г. Кузнецов вступил в командование Тихоокеанским флотом. Командующих себе не выбирают, их назначают, им подчиняются. Однако авторитета приказом не создашь. А репутация, если нет сложившейся, возникает из поступков, решений, отношений с людьми. С чего начнет? Управится ли с таким флотом? Долго ли продержится?

"И я стараюсь..." Человек, который может, не чинясь, так просто понять трудности лейтенанта на большой командирской должности и сам довериться его, лейтенантскому, пониманию, необходим флоту. Тревожились, приглядывались, волновались, но всем, кто с ним сталкивался даже мимолетом, особенно молодым, хотелось, чтобы такой человек, свой, моряк, понимающий корабельную службу, "испанец", как тогда с уважением произносили, прижился, остался надолго, управился с возложенной на него государством ношей.

2. Красная, 40...

Как же случилось, что капитан 1 ранга, не имея опыта командования даже небольшим соединением кораблей, сразу возглавил флот, да еще в таком районе мира, как взрывоопасный Дальний Восток, где милитаристская Япония, оккупировав Манчжурию, подступила к нашим границам, где месяца, а иногда и дня не проходило без пограничных инцидентов на сухопутье и на море, где реальной угрозой стал антикоминтерновский пакт, нацеленное на нас острие фашистской оси Берлин - Рим - Токио? Каким даром, какими командными и организационными способностями он обладал, какую школу военно-морского оперативного искусства до этого освоил, чтобы справиться с такой неимоверно тяжелой ношей, достойно нести ее в условиях оторванности от столицы и повышенной самостоятельности там, где командование Особой Краснознаменной Дальневосточной

армией вверили не какому-нибудь, пусть и одаренному, полковнику, а прославленному маршалу Василию Константиновичу Блюхеру, прекрасно знающему все политические и военно-стратегические сложности этого региона Азии, полководцу, о котором в те времена маршал Ворошилов, подчеркивая его талант, вес и авторитет, говорил: "Там, где Блюхер, можно держать на один армейский корпус меньше..."

В одном из писем к другу Николай Герасимович Кузнецов вроде бы шутя, смеясь над собой, писал: "После того, как набросал черновики воспоминаний "за всю свою драматическую жизнь" и подсчитал, сколько раз был контр-адмиралом (2), вице-адмиралом (3), адмиралом (2) и Адмиралом Флота (2), сейчас отрабатываю период "доиспанский"..."

"Доиспанский" - это годы нормального прохождения военно-морской службы молодым человеком послереволюционной поры. Нормального для того времени, но и необыкновенного. Необыкновенность была социальным явлением, плод самой революции, если крестьянский парень с трехклассным церковноприходским образованием смог за короткий срок достичь, дорасти до командира крупного военного корабля.

Во время одной из поездок по Дальнему Востоку я неожиданно услышал два слова, открывшие мне дверь в ту необыкновенную эпоху. Летом 1978 года, стремясь выбраться из отдаленного уголка на берегу Татарского пролива в Петропавловск на Камчатке, я вылетел наконец случайно оказавшимся там самолетом. Моложавый контр-адмирал нового, океанского поколения Николай Гаврилович Клитный - это был его служебный самолет - расспрашивал меня о работе над книгой о Кузнецове, выказывая, к моей радости, горячий интерес к не забытой и современными моряками исторической личности. Выслушав довольно длинную, очевидно, настойчивую и пристрастную речь о человеке, подчинившем себе все мои помыслы и замыслы в последнее время, он неожиданно сказал с лукавинкой: "А вы знаете, и я, можно считать, был знаком с Николаем Герасимовичем. Задолго до войны. Не удивляйтесь - он носил меня на руках. В буквальном смысле слова. Нянчил. Он и Рамишвили, знаете, был такой адмирал Симон Рамишвили, соратник Кузнецова по Испании. Хотите, дам вам адрес матери в Ленинграде? Отца уже нет в живых. А они оба хорошо знали Николая Герасимовича в те годы. Они жили, когда я родился, на Красной, сорок..."

Так дорожная беседа привела меня в эпоху, которая теперь вечно будоражит стариков. Да и только ли стариков?

Да, в эпоху - неспроста пользуюсь таким громким словом - в

революционную эпоху коммунаров и коммун. Были коммуны крестьян в Поволжье, под Вяткой, в Сибири или где-то на Алтае, где отец будущего космонавта Германа Титова учитель Степан Титов обучал грамоте крестьянских детей. Была "Педагогическая поэма" Антона Макаренко - о коммуне, вернувшей в жизнь многих детей, обездоленных войнами и разрухой. Красным цветом выделял наш календарь День Парижской Коммуны - память о прекрасной героике и трагическом уроке недолгого, но реального осуществления мечты людей труда. Именем этой Коммуны в нашей стране называли улицы, фабрики, даже боевой корабль: в январе тридцатого года линкор "Парижская Коммуна" с доблестью пронес наш военно-морской флаг из Балтики в Черное море, и толпы французских рабочих, рыбаков, моряков провожали из Бреста в штормовой Бискайский залив корабль страны, так высоко ценящей эпоху Коммуны и коммунаров.

Не удивительно, что два слова - Красная, сорок, - вызывают в глазах целого поколения военных моряков магический проблеск как позывной далекой юности. В Ленинграде вблизи площади Труда, на Красной, 40, в массивном пятиэтажном здании, до революции известном как дом петербургской газеты "Биржевые ведомости", с конца двадцатых годов размещалась коммуна слушателей Военно-Морской академии и слушателей параллельных классов ускоренной подготовки командного состава РККФ. Необычная коммуна. По всему укладу она походила на корабельный экипаж. В ней жили и семьями и холостяки, но все с флота, с кораблей. Вся жизнь была пронизана духом флотской общности, интересами дела, ради которого люди съехались на Красную, 40, с разных морей. У многих были дети. На первом этаже здания сообща устроили детскую комнату - самодеятельный детский сад того времени. В нем, конечно, не было наемных нянь, прачек, кладовщиков, поварих, врачей, заведующих. За малышами присматривали по очереди свободные от занятий и работы коммунары - и мужчины, и женщины. Все в коммуне держалось на самообслуживании и взаимной помощи. "Ускоренники", они числились за военно-морским училищем имени Фрунзе, наверстывали то, что не смогли по социальным условиям детства и юности приобрести вовремя, нормальным обучением, в нормальном объеме. "Академисты", они уже окончили военно-морское училище и прослужили несколько лет на кораблях, чем могли, старались помочь "ускоренникам" в сжатый срок пройти весь объем программы высшего училища

Кормились в столовой - из общего котла. На всю коммуну был только один наемный работник, повар из бывших корабельных коков, которому помогали по очереди жены, матери,

сестры коммунаров. И длинный стол обеденный стоял один для всех - и для членов семей, их никто не считал иждивенцами, хотя военного пайка им не полагалось. Коммуной управлял выборный совет, он решал, кого можно в нее принять. Охотно принимали холостяков, хотя бы потому, что их паек шел в общий котел, и никому в голову не приходило считать это несправедливым. Члены совета, собрав командирские аттестаты, ездили в Военный порт, так у моряков называлось снабжающее флот всем необходимым хозяйственное учреждение, и получали в продовольственных кладовых все положенное. Но это не значит, что выгода, общая польза побуждали принимать в коммуну любого холостяка без разбора. Вступая, каждый не считал зазорным пройти через совет как через чистилище, а потом еще рассказать о себе и на партийно-комсомольской группе, объединяющей почти всех коммунаров.

Не избежал чистилища и Кузнецов, зачисленный в 1929 году в академию после трех лет плавания на крейсере "Червона Украина" командиром батареи и вахтенным начальником; многие в коммуне знали его по училищу, вместе ходили на "Авроре" в Заполярье. Но порядок для всех один.

Состав группы был такой, что невольно замирало сердце. Особое время, всего девять лет после окончания гражданской войны. Как в первые годы после разгрома фашизма мерой жизни была степень соучастия в Победе, так и тогда: отсчет времени шел от борьбы за революцию, партийность соизмерялась рубежами - "до семнадцатого года", "после семнадцатого года", боролся в подполье против царизма, сражался на фронтах за Советскую власть или примкнул позже, когда революция устояла. Что может он рассказать таким людям о себе? Ни борьбы против царизма, ни подвигов на фронтах против Юденича, Колчака, Деникина, Врангеля, ничего, о чём говорили, писали, чем жили в те годы его сверстники. Биография обыденная, только с годами подробности детства обретают смысл, силу, подобно росткам, из которых возникает корневая система дерева хилого или могучего.

Кузнецов родился 24 июля 1902 года [В действительности в 1904 году. В 15 лет он "прибавил" себе 2 года, чтобы поступить на службу во флот] на Севере, в суровом краю трудолюбивых людей, сдержанных и добрых, в крестьянской семье, где дети, как все дети людей труда, с малых лет узнают, что такое работа, нужда, повседневная помощь по дому, на пашне, на сенокосе, цена отдыха и самого скудного подарка, мера добра и зла. Глухая деревушка в 20 верстах от Котласа называлась Медведки, по ее единственной улочке не очень-то давно, говорят, бродили медведи, пока избы, крепкие, высокие, с подклетями, не

перенесли из лесной низины на просторный холмистый берег речушки Ухтомки - летом усыхающего ручья, а весной разбухающего от половодья притока Северной Двины. Разбухающего настолько, что однажды, это запомнилось на всю жизнь, прорвало плотину и разрушило деревенскую мельницу - кормилицу крестьян округи. Отец Кузнецова Герасим Федорович умер летом 1915 года. Запомнилось, когда провожали на кладбище, соседи вздыхали: "Умер не вовремя, в самую страду". Мать отвезла младшего из сыновей в Котлас, упросила хозяина чайной у речной пристани взять мальчика в услужение - мыть посуду, прибирать кухню, "без права заходить на чистую половину". Скоро его сами позвали "на чистую половину" к пожилому горожанину, очень похожему на отца. Дядя Павел Федорович, с которым он не был знаком, сказал, что нечего ему торчать тут в чайной, пусть собирает вещички и приходит на пристань; поедет в Архангельск, где будет жить у дяди в семье, помогать по хозяйству и учиться.

С неба свалилось счастье, мальчик воображал, как поплывет он вниз по Северной Двине на одном из больших и красивых пароходов, ожидающих у пристани. Но дядя провел его мимо этих пароходов к сходне, брошенной с грязно-серого колесного буксира "Федор" прямо на песчаный берег. Дядя прошел в каюту, а он с удовольствием расположился среди буксирных тросов и кип льна на широкой расплющенной корме. Так началось его первое в жизни дальнее плавание, а что же, и верно, дальнее для него плавание, первая отлучка от родного дома в далекий Архангельск, о котором он много слышал в деревне, но и не помышлял туда попасть. В памяти остались сочувствующие мальчику матросы, блеск работающих шатунов паровой машины и ее натужное дыхание, шлепанье колесных лопастей и продолговатая гиря на конце длинной веревки, ее метал в воду с носа буксира матрос, "выкрикивал какие-то непонятные слова, к которым внимательно прислушивался капитан. Позже я узнал, что матрос измерял лотом глубины реки". Так спустя десятилетия записал Николай Герасимович, вспоминая, как он выразился, "родное прошлое".

У дяди он жил "на положении полуродственника, полуработника". Летом уезжал в деревню помогать матери и брату в поле, осенью возвращался и даже ходил одну зиму в школу с двоюродным братом - одногодком Федей. Но работы по дому было так много и дядя так часто посылал его еще с поручениями в город, что не оставалось времени даже на чтение. Учение бросил, но читал все же много, полюбил книги о первооткрывателях дальних стран. Часто приходили в дом

торговые моряки, рассказывали о плаваниях, а в год перед революцией он услышал от них и о страшных германских подводных лодках, выпускающих из-под воды в торговые суда смертоносные мины. Жить у дяди нахлебником не мог, не желал и прислуживать не хотел. Он уже хорошо знал город, его охотно взяли рассыльным в Управление работ по улучшению Архангельского порта. В первую мировую войну поступало много грузов, строили причалы и аванпорт Экономия в 20 верстах от города, у выхода в Белое море, там можно было обойтись зимой без ледоколов. Так в отрочестве Кузнецов все ближе подходил к морю. Его даже ваяли однажды на промысел рыбаки впередсмотрящим на шхуне, он выстоял на носу шхуны в шторм, не укачался, и старкой как напророчил ему: "Будешь добрым моряком!"

А тут пришла одна революция, другая; 15 лет - немалый возраст, ребята и в таком возрасте, случалось тогда, уходи ли на фронт. А он не ушел. Он слышал то громкие, то полушепотом споры инженеров и подрядчиков в Управлении, одни были за большевиков, другие их поносили. Споры эти не раз вспоминались, когда много позже он смотрел пьесу "Разлом" Бориса Лавренева. "Декорации другие, а содержание такое же, - отметил Николай Герасимович в тех же набросках о родном прошлом и добавил откровенно: - Нас, ребят, привлекала только сама сцена раздоров, мы не вникали в существо дела. Уходили на улицу, предпочитая бродить 110 набережной Северной Двины, или ехали в Соломбалу, где можно было оказаться свидетелями необычных событий".

Необычные события в те годы случались часто: то рвались бочки с бензином на складах почти в центре города; та взорвался груженный боеприпасами огромный транспорт "Семен Челюскин", а за ним несколько дней взлетали от детонации военные склады в аванпорту Экономия, гул далеких взрывов потряс город, было много жертв; то из Мурманска дошел слух о высадке там десанта интервентов. Так оно и было, чрезвычайная комиссия экстренно начала разгрузку порта и вывоз боеприпасов и военного снаряжения вверх по Северной Двине в Котлас для отправки оттуда на другие фронты. Вывезти все в Котлас удалось, несмотря на саботаж и сопротивление эсеров и меньшевиков, но тут и Котлас оказался под ударом.

В июне 1918 года Кузнецов, как обычно, уехал домой, в Медведки, а в июле в Архангельске высадились англичане, французы, американцы, они быстро создали свою военную флотилию и устремились к Котласу. Это тогда в телеграмме Михаилу Сергеевичу Кедрову, участнику трех революций, члену

Всероссийского бюро большевистских военных организаций, Ленин приказывал: "Послать туда немедленно летчиков и организовать защиту Котласа во что бы то ни стало". Герой гражданской войны рабочий Павлин Виноградов организовал Северодвинскую флотилию, она вместе с Красной Армией остановила вооруженные суда и войска интервентов, не допустила их в Котлас, сохранила столь важные для войны склады оружия и боеприпасов.

Кузнецов, которому едва исполнилось 16 лет, знал, что в Архангельске оккупанты, идет кровавая война за Советскую власть, большевиков ловят и заключают в плавучие тюрьмы. На подступах к Котласу осенью и зимой собирали жителей деревень рыть окопы. Живя в Медведках, от всего этого он был далек. Только попав снова в Котлас, он встретился с революционными матросами. Мать отвела его на этот раз не в чайную, а к своему брату Дмитрию Ивановичу Пьянкову, осмотрщику вагонов на железной дороге. Пьянков обещал пристроить парня в депо, сказал "жди!" и уехал с составом товарняка в рейс. А Кузнецов - тут же к реке, к пароходам, там встретил настоящего военного моряка, только не в бушлате, а в черной скрипучей коже с головы до ног. Все ему о себе рассказал, получил адрес нужного начальника, не знал, что это и был тот самый моряк-начальник, и услышал добрый совет на всю жизнь: идти добровольцем на флотилию. Так и не дождался Пьянков племянника, но вряд ли рассердился, он же сам в прошлом был кронштадтский военный матрос.

Военных моряков, их ладную форму и грозный вид Кузнецов уважал сызмальства. Почитай, в каждой избе Медведок висели фотографии усатых богатырей в черных бушлатах, в бескозырках с названиями кораблей и волнующими любого мальчишку ленточками,

Это в обычае, как и увиденный мною летом 1980 года в полузаброшенной родной его деревне, в избе школьной подруги, портрет-плакат сороковых годов Адмирала Флота и Народного Комиссара ВМФ СССР Н. Г. Кузнецова.

Как в другой мир, оказывается давно желанный, попал, вырвался совсем еще юный доброволец, готовый немедленно идти в бой. Но тот ясе начальник "весь в кожаном" усадил его как более грамотного перестукивать на грохочущем "Ундервуде" секретные и совершенно секретные донесения с фронта. Только к концу 1919 года он выпросился на канонерскую лодку в боевой экипаж. Пока суд да дело - интервентов вышвырнули из Архангельска, война на Севере кончилась.

За это время юный военмор многое узнал о революции, о ее

друзьях, врагах, о плавучих тюрьмах, затопленных интервентами в море вместе с узниками, о гибели в бою Павлина Виноградова, о покушении на Ленина, убийстве Урицкого, Володарского, о бандах белогвардейца Орлова в Усть-Сысольске, это совсем рядом, о батарейцах знакомого ему острова Мудьюг, они встретили огнем британскую авиаматку "Аттенитив", о расправе англичан с ними на острове, превращенном в каторгу, о матросе Петре Стрелкове, он

вывел каторжан на материковый берег по Сухому морю - так называли осыхающий пролив. Все становилось на свое место, все оседало в душе, в памяти, проясняло сознание, формировало взгляды на мир, на его будущее. "Владыкой мира будет труд!" - эти удивительные слова глубоко проникли в сердце и стали компасом на всю жизнь.

Разве все расскажешь коммунарам, старшим товарищам по Красной, 40? Да и никогда, ни прежде, ни потом, он не был многословен, если что-то касалось его лично, его биографии. Впрочем, где та грань, разделяющая биографию личную и общественную, если человек с юношеских лет раз и навсегда избрал для себя не только профессию, но и определил цель жизни как служение обществу и его идеалам? На вопросы товарищей он отвечал, ничего не утаивая и ничего лишнего себе не приписывая. Он сообщил, что на гражданскую войну опоздал, боевых заслуг не имеет, флотилию расформировали, полгода в Соломбале в полуэкипаже проходил строевую подготовку, эшелоном вместе с другими прибыл в Петроград, где продолжал службу, а потом и обучение. После подавления кронштадтского мятежа вступил в комсомол... Участвовал в подавлении?.. Нет, ходил в караул к Адмиралтейству, вот и все военные дела. Но в экипаже тогда работала проверочная комиссия, очищая среду от всяких анархистов, клешников и "прочих примазавшихся". Председатель комиссии пометил в списке "оставить", посоветовал ему подумать о комсомоле и выучиться на командира.

Коммунары поняли его честность и правдивость, это - в характере, и он этого держался на всех этапах "своей драматической жизни". Его только спросили, уточняя, когда и почему он вступил в партию, - этот вопрос был всегда требовательно лаконичен и строг: близость революции побуждала приглядываться к тем, кто примыкал к ее успеху как свершившемуся факту, а год, когда он был задан, был к тому же годом острой классовой борьбы и строгой партийной чистки. И он ответил: "После смерти товарища Ленина".

День смерти Ленина он запомнил во всех подробностях. Курсанты военно-морского училища собирались на увольнение.

Судили-рядили, кто куда пойдет, кого где ждут, кому оставаться в классах, кто вправе уйти и кого могут не отпустить. Но все отпало, забылось - умер Ленин. "Никто нас не собирал и не приказывал строиться. Ничего не объявлено официально, а все уже знают - это правда, это случилось... Нам хочется быть вместе, мы словно жмемся друг к другу... Ни один из нас не видел Ильича, не слышал его голоса. Наверно, до этой минуты мы даже не отдавали себе отчета в том, что он значил для нас, для народа, для человечества. Этого и не поймешь сразу: нужны годы, десятилетия" - так писал Николай Герасимович в книге "Накануне" в шестидесятые годы. И дальше: "Вокруг имени Ленина никогда не шумело славословие. Поистине великий, он был и поистине скромным. О нем говорили просто: "Товарищ Ленин", иногда "Ильич"... Он ушел - и все мы сразу осиротели... Его не стало - и груз новой ответственности лег на твои плечи".

В составе питерской делегации вместе с путиловцами, обуховцами, выборжцами отправилось в Москву на похороны небольшое подразделение военных моряков и в нем курсант Н. Г. Кузнецов. Отбирали лучших из лучших комсомольцев и обязательно хороших строевиков. Как в Сводный полк Победы после Великой Отечественной - самых прокаленных огнем правофланговых войны.

В не редеющей на морозе толпе на Красной площади он смотрел на пламя костров у Кремлевской стены, слушал, видел, как остервенело долбят саперы едва отогретую промерзшую землю под могилу и будущий временный Мавзолей, стоял и под сводами Колонного зала у поднятого на красный постамент гроба в карауле среди нескончаемого потока шинелей, зипунов, пальто, между сменами поднимался на хоры и оттуда смотрел на Ленина, на ему близких, родных людей, товарищей по многолетней борьбе. А потом день - в цепи по краям живого потока, провожающего гроб к Красной площади.

И еще запомнилось - гудки заводов, паровозов, кораблей, все остановилось по тревожному стуку телеграфа: "Встаньте, товарищи, Ильича опускают в могилу".

Возвратясь в Петроград, уже Ленинград, Кузнецов впервые выполнял необычное поручение комсомола Васильевского острова - пошел к рабочим заводов и фабрик рассказывать, что видел и что пережил в Москве, рассказывать о Ленине. Неужто это тот парень из глухой деревни под Котласом, мальчик из чайной, рассыльный в порту, который "не вникал в суть сцены раздоров", слушая, как одни ругают большевиков, другие их защищают?..

Вот тогда, после встреч с рабочими, он принес в партийную

ячейку училища заявление с просьбой принять его в партию. "Заявление состояло из нескольких строк, но в них заключался самый важный для меня итог всего продуманного и понятого в траурные дни в Москве".

После этого переломного события в жизни будущего красного командира прошло пять бурных лет. До предела целеустремленных. Настойчивый труд, сильная воля, природные способности помогли при вопиющих пробелах в образовании одолеть и подготовительные классы по программе реального училища, и серьезный курс наук в таком училище, как военно-морское, В 1925 году он, как старшекурсник, для приобретения командирских навыков был по традиции назначен командиром 1-го отделения 1-го взвода роты А первого курса нового набора. Как самый рослый, он стал в роте правофланговым, на него рота равнялась на всех построениях и на марше. Это обязывало выглядеть безупречно и быть особо подтянутым - вот где выработалась "офицерская выправка", всем на удивление, и в коммуне, и в долгой службе на флоте. Подчиненные ему младшекурсники запомнили: командовал без окрика, не повышая голоса, не подгонял, а своим примером побуждал всех делать так, как делает он. В той роте А служил курсант Б, М. Хомич, ныне вице-адмирал. Он писал мне: Кузнецов "всегда выбирал и нес на спине самую большую вязанку дров для печей курса. При побудке или по сигналу ночных тревог становился в строй при полном снаряжении раньше всех нас, спокойно и без суеты. Замечания по службе произносил сдержанно. А если кто из подчиненных "схватывал" выговор или взыскание на стороне, внимательно выслушивал виновного и говорил: на размер фитиля не жалуйся, раз влип, друже, умей держать ответ по всей строгости".

На Красной, 40, товарищам поначалу казалось, что он чурается веселья, общих празднеств, держится в стороне и даже высокомерен. К обеденному столу и то часто опаздывал. Ироничностью, ее принимали за высокомерие, отчужденностью он оборонял, прикрывал свою независимость, незыблемость цели от неизбежной даже в коммуне суеты свах - они ведь всегда знают лучше, кто кому нужен и когда пришла пора обженить холостяка. Не для того флот командировал его на три года в высшую военно-морскую научную школу страны слушателем факультета оперативного искусства, чтобы растрачивать время на забавы. Лекции читали светила науки, старые профессора и молодые преподаватели, ученые будущего. Между ними шли горячие дискуссии: каким быть флоту, как, в каком направлении ему развиваться, строить ли гиганты линкоры и крейсеры или подводные лодки и торпедные катера; в споры вступали и

старшекурсники, известные моряки-революционеры, высказывались резко, яростно, младшие пока робели, соглашаясь то с одной крайностью, то с другой; потому так врезалось в память выступление начальника Морских Сил РККА Ромуальда Адамовича Муклевича, сильного, авторитетного руководителя. Он ошеломил и вразумил спорщиков, разделив их на сторонников проливов и заливов, то есть флота прибрежного и флота океанского, и объяснив, что может и чего не может дать флоту промышленность на данном этапе развития экономики, какой в будущем понадобится для обороны страны сильный флот и насколько программа его строительства должна быть подчинена политике государства. "Государственный ум!" - оценили ясное выступление Р. А. Муклевича слушатели и не раз еще его вспоминали, когда самим пришлось строить большой флот.

Тот, кто попал в академию, старался побольше извлечь пользы для будущего, больше знать, больше читать, не тратить времени ни на что постороннее, считая, что каждый час принадлежит не ему, а флоту, которому он служит. Соседом по столу в аудитории был талантливый моряк В. А. Алафузов. Оба решили выкроить время на изучение французского и немецкого языков сверх отведенного программой, чтобы самим в оригинале читать труды иностранных теоретиков, о которых столько спорили, обвиняя друг друга во всех мыслимых и немыслимых грехах. Но при всей занятости Кузнецов, если у кого в коммуне возникала потребность в помощи, совете, всегда был готов помочь.

Скорее других его понял тот самый "работник по найму", единственный в коммуне, в прошлом корабельный кок. Он видел, что молодой коммунар из той же породы - трудовой человек, привычный к строгому корабельному режиму. Потому он всегда, без предварительной просьбы оставлял ему "расход", то есть его обед или ужин, зная, что он не загулял, не засиделся в гостях, а, говоря языком того времени, "работает в поте лица над собой". К завтраку этот коммунар никогда не опаздывал, хотя в коммуне сигнала побудки не подавали.

...Побывал я у многих бывших коммунаров и, конечно, у Марты Николаевны Клитной, матери контр-адмирала, собеседника в полете над Охотским морем. Сын предупредил ее о нашем знакомстве, и она рассказала о далеком времени, о своей семье и о том, какие легендарные у ее старшего, у Коли, бабушка и дед. "Моряки - наша семейная слабость, - мягко, стесняясь незнакомого человека, сказала Марта Николаевна. - Дед Коли, мой отец, тоже был моряк, кондуктор, унтер-офицер, даже бунтовал. Смешно, но в начале века им во Владивостоке

заинтересовались жандармы за невинную, кажется, затею - матросские кружки по борьбе с неграмотностью и пьянством. Он был грамотный и трезвенник. Затею расценили как крамолу. Ему удалось перевестись из Владивостока в Севастополь. Но если один раз человек сделал что-то доброе, его уже тянет по этому пути. Когда случилось восстание на "Очакове", он поднял бунт в экипаже в Севастополе. Военно-полевой суд приговорил к расстрелу. Заменили каторжными работами, А он бежал на каком-то пароходе в Южную Америку, Где с ним мама познакомилась, не знаю, во всяком случае, они произвели меня на свет в Париже. Мама, Федосия Петровна Кассесинова, ее партийная кличка Фаня Черненькая, уже шесть лет была большевичкой, с 1905 года, и ей пришлось эмигрировать из России 6 Париж. Ее хорошо знал Ленин. Мама в Териоках содержала конспиративную квартиру, где жил Ленин. Мы переезжали с места на место, маме сама Надежда Константиновна составляла характеристику о работе в подполье. В Гельсингфорсе мама работала в советском торгпредстве. Вот и я в Ленинграде вышла замуж за моряка, отца Коли. Мама уже была в Москве, когда у нас первым появился Коля. Первый ребенок, мы не знали, куда деваться, а коммуна нас приютила. Теперь у меня и внуки моряки, четвертое поколение". "А Николай Герасимович нянчил вашего Колю?" - "Да, да, конечно". Марта Николаевна запомнила его молчаливую безотказность, он и мужу помогал в науках, и за Колей присматривал, хотя и не мужское это дело. Сама Марта Николаевна работала слесарем-сверловщиком на заводе "Большевик", что-то там сверлила для броневиков. Все работали. И всё помогали друг другу, так в коммуне было заведено. Очень мало тогда люди требовали для себя. "Прекрасное было время"...

Тоже страница жизни эпохи коммунаров и коммун, дуновение той атмосферы, в которой воспитывался командир. В этой атмосфере росли, раскрывались люди, которые почувствовали на своих плечах "груз новой ответственности", когда ушел Ленин.

3. Его корабль

Странным казалось поведение Кузнецова после окончания оперативного факультета Военно-морской академии. Кончил с отличием. Получил первую в жизни награду, ценимую военным человеком, - пистолет системы Коровина с металлической пластинкой: "Командиру-ударнику Н. Г. Кузнецову за успешное окончание ВМАкадемии от Наморси РККА. 4.5.1932 г.". Была возможность выдвинуться: предложили должность в штабе, дающую "одну широкую" на китель, при его способностях - перспектива, путь в флагманы, тем более что он уже

стажировался в штабе Морских Сил Балтики и о нем хорошо отзывался флагман Л. М. Галлер. Выпускник дореволюционного Морского корпуса, старший офицер на линкоре "Слава" в Моонзундском сражении 1917 года, командир эсминца, а потом и командир линкора "Андрей Первозванный", подавлял орудийным огнем линкора мятеж на Красной Горке в 1919 году - отзыв такого заслуженного, опытного начальника много значил. От выдвижения в штаб Кузнецов отказался - только на корабль. Предложили должность командира корабля, еще очень мало было командиров из рабочих и крестьян с академическим образованием. Нет, только старпомом: до академии он плавал старшим вахтенным начальником на "Червоной Украине", то есть помощником командира, но это не старший помощник. Хотел ли он стать командиром? Несомненно. Еще в училище он как заповедь усвоил слова "замечательного штурмана и преподавателя" - это его, Кузнецова, определение - Ивана Николаевича Дмитриева: "Коль вы, избрав военно-морское училище, не стремитесь командовать кораблем, значит, ошиблись в выборе". Он не ошибся в выборе. Но чтобы стать настоящим командиром корабля, надо обязательно пройти через эту самую хлопотную должность, должность человека, отвечающего в экипаже буквально за все, но умеющего организовать службу так, чтобы каждый из командиров боевых частей был абсолютно самостоятелен. Из академии с отличием - и в старпомы?!

Впрочем, и прежде, в 1926 году, окончив училище, Кузнецов повел себя, казалось бы, вопреки логике. Четыре кампании отплавали курсанты на различных. кораблях. Все плавания - за пределы тогда ограниченных территориальных вод, из теснин Кронштадта и Лужской губы в открытую Балтику, через Датский пролив в Атлантику, в Северное и Норвежское моря, в Ледовитый океан. Занимались не только практикой по корабельным специальностям, не только определяли место корабля по звездному небу и прокладывали на карте его курс, но и обучались матросским действиям по авралам, аварийным и боевым тревогам, драили медяшку до изнеможения, скатывали палубу - горбом и до печенок вбирали в себя всю науку матросской жизни. Потому вознеслись до небес, когда в последний год перед выпуском командир доверил им самостоятельно командовать, ставя линкор на якорь. Командовать всерьез, со всем возможным в таком сложном деле риском, полагаясь на их полную ответственность, даже, как им казалось, не страхуя, не корректируя, не дублируя их команд. Командир корабля приглядывался, кого из выпускников взять на линкор, И вот, когда в училище командир курса построил выпускников, назвал

отличников, имеющих право самостоятельного выбора, и спросил, кто где хочет служить, Кузнецов неожиданно для всей "отличной пятерки" выпалил: "На Черном море". Он же знал, что есть на него запрос от командира линкора. Большая честь. Знал, что только на Балтике, как она ни тесна, есть флот, дивизионы эсминцев-"новиков", три линкора, все начало оживать в двадцатые годы, как и ленинградское судостроение. А на Черном море? Там нечему оживать: часть кораблей погибла в боях, часть затоплена вблизи Новороссийска - "Гибель эскадры", не желающей стать добычей белогвардейцев; часть предана и продана белоэмигрантами интервентам, отнята у страны и уведена в африканскую базу Франции Бизерту. А плавают три миноносца да крейсер "Коминтерн". Как можно отвергнуть такую школу, такое будущее - службу на линкоре! Манили северянина юг, тепло, неведомый Крым, Кавказ? Горячили воображение моря, где у Чесмы, Калиакрии, Тендры, Азова флот России прославили адмиралы Ушаков, Спиридов, Грейг, Сенявин, Лазарев? Или хотелось увидеть легендарный Севастополь, Малахов Курган, Балаклаву, землю, где Нахимов поступил на суше так, как положено командиру поступать на корабле - не покинул обреченную крепость, с честью погиб, не взвешивая, не сопоставляя ценность своей жизни с жизнью подчиненных ему героев-рядовых?..

Словно плотину прорвали перед юношей училищные годы, мир поразительной истории раскрылся перед ним, и все его товарищи ждали дальних увлекательных походов. В те годы в его натуре открывалась превосходная черта - не только мечтать, читая, впитывать прочитанное, виденное, слышанное, молча обдумывать и решать, как дальше жить. Была тогда логика в поступке юноши. И даже трезвый расчет, а не взбалмошность: плавать на крейсерах. В Николаеве достроили заложенный до революции крейсер "Адмирал Нахимов", его назвали "Червона Украина". Кузнецов еще не знал, какое место займет в его жизни этот корабль.

В одной из личных записей Николая Герасимовича есть такие строки: "Всякий командир имеет склонность либо к штабной работе, либо пристрастие и умение командовать. Из офицера, не проявившего определенных качеств, не получится отличный командир или отличный штабной работник. Это будет средний командир или посредственный начальник штаба. Старший начальник, наблюдая прохождение службы подчиненного, должен определить, на что тот способен. У природного командира начальником штаба работает человек с ярко выраженными качествами штабного работника". Записано на склоне лет, когда

огромный опыт позволял ему обобщать пережитое и он вправе был назвать "отличными штабными работниками" адмиралов Галлера, Исакова, Алафузова, Елисеева... А тогда, после академии, он знал, что хочет плавать, командовать кораблем, интуитивно чувствовал пристрастие, понял, что не должен, не может ради карьеры изменить своей натуре. Но умения командовать еще не проявил, вернее, не утвердился в нем, хотя три года службы на "Червоной Украине", а точнее, четыре кампании с мая до осени - многое определили. В одной из аттестаций, их тогда составляли ежегодно, старший начальник писал о Кузнецове: "Приспособляемость к практической жизни удивительно высока. Инициативен, дисциплинирован, требователен к подчиненным, любит море. В походной обстановке исключительно вынослив". Это подкреплялось строгостью к себе.

В мае 1932 года два товарища вместе приехали в Севастополь - Алафузов в штаб флота, Кузнецов старпомом на крейсер. Но не на свою "Червону Украину", а на новый крейсер "Красный Кавказ". Ночью в море "Красный Кавказ" столкнулся с другим кораблем, свернул себе форштевень, был возвращен на завод, и после ремонта произошла полная смена командования: не только новый старпом, приехал с Балтики новый командир Н. Ф. Заяц, сменили и некоторых командиров боевых частей.

Хуже нет такой лихорадки. "Обстановка наложила особый отпечаток на наше знакомство, - вспоминая о Кузнецове, пишет Н. А. Прохватилов, тогда командир БЧ-V крейсера - электромеханической боевой части. - Вначале мы насторожились, сработаемся ли с новым старпомом. Познакомились ближе, я понял, что пришел весьма грамотный и опытный моряк, знающий крейсерскую службу".

Кузнецов, как мы помним, и сам не выносил рыка и крика. "Железной рукой" нигде порядка не наведешь, только запугаешь, подавишь волю. Умей пробудить желание работать и тогда требуй. Беду и без того все горько переживают, плохо, если все время будет давить ярлык "штрафного корабля". Не все же виновны в аварии, виноваты те, кто не научил людей плавать ночью. Нет строгого распорядка, не сплавался экипаж. Терпеливо занялся старпом организацией жизни корабля, не сам - руками командиров. Не дергал, не тыкал людей носом в случившееся, что тут же отметил Прохватилов, а в его боевой части почти половина экипажа, уж там-то почувствовали бы придирчивость старпома.

Не сразу старпом понял нового командира. Позже Кузнецов отнес его к категории "командиров переходного периода". Старые офицеры уходили, красных офицеров с нормальным

образованием и опытом еще только растили, а кораблей становилось все больше. Быстро устарела училищная поговорка: "Были бы корабли, командиры найдутся". Вот и появилась эта "переходная категория" способных, но уже немолодых матросов после краткого обучения на курсах назначали командирами кораблей. Н. Ф. Заяц умело командовал на Балтике миноносцем. Он и за крейсер взялся с той же лихостью, во все влезал сам, осложнял работу старпома. Некоторые называли его партизаном. Отношение к нему, как ни странно, изменилось после первой промашки: не учел, что турбины крейсера это не машины миноносца, легко исполняющие команды с мостика, надо уметь заблаговременно гасить ход, чувствовать большой корабль, его особенности, чтобы красиво подойти к штатному месту стоянки на рейде и быстро выполнить маневр постановки "на бочку".

Эсминец обычно швартуется к берегу или к борту другого корабля. Крейсер, как правило, имеет в базе постоянное место на рейде, штатное место у сварных бочек-поплавков, закрепленных "мертвым якорем"; бочки болтаются на поверхности, подобно буйкам, накрепко соединенные с твердью на глубине якорь цепью, ее называют "бридель". Вот к этой бочке, а бывает, и к двум надо подойти и закрепить корабельную якорь-цепь. Нужна тренировка, глазомер, позволяющий действовать даже вслепую, словом, это искусство. А новый командир подошел "по-миноносному", проскочил и не смог стать на бочку. Опозорился перед экипажем. Но умный оказался человек, нечванливый. Досады не скрывал, но и не постеснялся второй и третий раз вернуться, стал на бочку, хоть и с трудом, а потом учился этому маневру у всех на глазах. И научился. Он и старпому вскоре стал больше доверять, дал ему полную волю, особенно когда стояли на рейде и была у командира возможность вместе с другими заядлыми охотниками сойти на берег. Любил старый матрос охоту.

Командирам пришлось по душе, что старпом зорок к любому доброму делу, не терпит рутины, сказывалась его академическая подготовка. И Прохватилов запомнил, что именно эта черта его сблизила, даже сдружила с Кузнецовым: "Главную часть боевой подготовки для В4-V составляла борьба за живучесть корабля. Разбирали случаи попадания в разные места торпеды, авиабомбы, артиллерийского снаряда. Личный состав аварийных партий учился быстро восстанавливать снабжение электроэнергией, воздухом, ликвидировать возникшие пожары, дать возможность остальным боевым частям вести боевые действия. Это очень понравилось новому старпому, и он вовлек в учения все боевые части. Так возникла боевая подготовка всего корабля: сначала все отрабатывали на якоре, а потом и на ходу. Велика тут заслуга

Кузнецова".

Может быть, казенно звучат для постороннего уха термины: "личный состав", "боевая подготовка", "борьба за живучесть". Но в этом гарантия жизни корабля, жизни флота, а случится, и всей страны - так начинается готовность.

Если и прежде, до академии, Кузнецов редко отлучался с "Червоной Украины", то здесь, на "Красном Кавказе", никто, кажется, не замечал его занятости. Все налаживается, а он всегда приветлив и, конечно, сдержан, рад послушать в кают-компании таких бывалых людей, как флагманские специалисты, читает в своей каюте серьезные книги на немецком языке "без словаря", что поразило того же Прохватилова; дверь из каюты на верхней палубе у грот-мачты открыта, и старпом всегда видит и площадку для корабельного самолета, и большую часть крейсера.

А флаг-штурмана бригады крейсеров Анатолия Николаевича Петрова - он полгода отсутствовал, за это время и появился на корабле новый старпом просто поразили происшедшие перемены: "Разработан абсолютно точный распорядок дня, чего не было прежде. С точностью до минуты соблюдается корабельное расписание. Команда в безупречно чистом рабочем платье. Все, что каждому положено, дается в срок - увольнение, обед, баня. А тенты в жару на рейде? Раньше их с трудом успевали поставить за два-три часа, а теперь вслед за командой "Отдать якорь!" шла команда "Поставить тент!". И за 15 - 18 минут все палубы под тентами!"

Флаг-штурман окончил училище на год раньше Кузнецова, знал его хорошо, "Новый старпом был ближе команде, чем его предшественники, сам хлебнул матросской жизни, Не было у него фанаберии, как еще кое-где тащилось от старого флота. Впервые я увидел, как старпом заставил всех командиров боевых частей, да и нас, флагманских специалистов, разработать методику боевой подготовки, - рассказывал мне А. Н. Петров, ныне вице-адмирал. - Раньше никакой методики не было. Старослужащие обучали молодых, как и что надо делать. Но это пригодно для одиночек. А действия подразделения? А взаимодействие? А учения по боевым частям, по кораблю в целом? Все, по сути, началось с "Красного Кавказа". В полной мере эту работу Кузнецов развернул, когда стал командиром "Червоной Украины". Все потом вылилось в "Курс боевой подготовки корабля" в масштабе флота. Мы тогда только рожали БУМС временный Боевой устав Морских Сил. Это академия работала. А "Курс" на корабле - его инициатива и заслуга. Он, помнится, вроде бы и не работал. Стоим на рейде, выглянешь - старпом на юте, а всюду все вертится. И это было чудом!"

Но старпом не только организатор корабельной службы, ему при необходимости надо заменить в походе и командира, а навыков управления крейсером

нет. Учился и у "командира переходного периода", и у Юрия Федоровича Ралля, командира бригады крейсеров. Прекрасный педагог, училищем прежде командовал, Ралль в старпоме угадал родную струну - не оторвешь от корабля, лет у него иных интересов, любит плавать. А Ралль увидит на иллюминаторе муху, ухмыльнется и подкинет: "Давненько в море не были".

Но был в бригаде начальник штаба, вместе кончали академию, хотя и разные факультеты. Его уважали как человека из гущи Октября - горячий трибун, умел растормошить, зажечь людей, а тут открылось: морской службы он не знает. Нет на мостике Ралля, он теряется, становится беспомощен, ничем не может помочь и старпому; вот кому следовало поплавать и вахтенным начальником, и помощником, пройти всю практическую службу на кораблях, что, кстати, тот потом и сделал, как человек добросовестный.

Однажды в длительном плавании, наблюдая поведение "преждевременного начштаба", флаг-штурман сказал старпому:

- А ты правильно поступил, что отказался возвыситься. Знаешь, как меня нанимал Викторов на Балтика "флажком"? Не флаг-специалистом - флажном к себе, а я первую кампанию после училища отплавал штурманом. Зимой эсминец стал на ремонт. Вызывает меня командир: "Штурман! Завтра явитесь на "Кречет" к командующему". - "Зачем?", - осмелился я спросить. "Не знаю. Набедокурили, наверно". Явился на штабной "Кречет". Доложился. Викторов говорит: "Вас наметили ко мне флаг-секретарем. Ну что, поработаем?" Молчу. "Что молчите, недовольны?" - "Товарищ командующий! Я только кончил училище. Хочу плавать. Позвольте остаться на миноносце!" - "Да вы что, думаете, я вас уговаривать сюда позвал?! Будете ходить со мной по кораблям, на учениях всегда рядом. Это же не просто так - флажок, подай папиросу. Учиться будете, многое поймете. Срок придет - в академию, куда захотите. Ну, ясно вам?" - "Так точно". - "И что же?" - "Разрешите остаться на миноносце". Рассердился: "Идите, я вас уговаривать не стану". И остыл: "В общем-то правильно, я тоже вроде штурманом был, понимаю, что это такое"... Я как завинтил оттуда - на корабль, к командиру. "Ну как, - спрашивает, - нанялись?" - "Товарищ командир, куда нанялся?" - "Да вас же флажком нанимали". - "Это вы, что ли, избавиться от меня хотели?" - "Да нет, что вы. Я вам лучшего хотел. Это ведь карьера!" Из старых офицеров он был, Лысцов такой, вот и сунул мне такое паршивое словечко - карьера. После

меня Витьку Яковкина - с нашего же курса - вызвали: принимай дела, и все. Он сразу две с половиной нашивки получил, через два года - чикен-брикен - в академию - и пошел-поехал...

Прошел всего год старпомства. "Красный Кавказ" стал одним из лучших кораблей на Черном море и подтвердил это удачным походом в Турцию, в Италию, Грецию. Сергей Дмитриевич Солоухин, флагманский минер бригады и тоже к концу долгой службы вице-адмирал, говорил мне: "Отличные организаторские способности, умение хорошо поставить службу, умение ладить с офицерами не на панибратских началах, а как того требует командирская должность". Вот с каким багажом Кузнецов вернулся наконец на свою "Червону Украину".

Это случилось внезапно, сентябрьским вечером, когда на "Червоной Украине" были разогреты машины для срочного выхода в Батум. Вызванный комфлотом с "Красного Кавказа" Кузнецов узнал, что он должен принять крейсер в море, в плавании, от предшественника. Сходили, вернулись в Севастополь, крейсер принял, в командование вступил, провел в размышлениях беспокойную ночь, и настало его первое утро командира корабля.

На корабле, где действительно "мир тесен", где и рядовой, и старшина, и любой из командиров, будем уж называть их по-современному офицерами, круглые сутки находятся на глазах у всех и оттенки поведения каждого - с подчиненными или с начальством - видит и молча судит весь экипаж вырабатывается щепетильная ответственность и зависимость от мнения экипажа, экипаж выносит каждому точную моральную оценку. И слабости, и достоинства все на виду. Разумеется, каждый ведет себя сообразно своему характеру и воспитанию. Но среда, если человек ее любит и считается с ней, влияет и на его характер. Она чутка к фальши, не терпит заискивания - ни вверх, ни вниз, уважает прямоту, надежность, открытость и либо принимает, признает человека, либо обособляет его.

Кузнецов за годы службы видел, как трудно приходилось на корабле офицерам, торопящимся все, да поскорее, переделать на свой лад и вкус, даже если их конечная цель верна, как внутренне ополчались люди против самоуверенности и высокомерия. Среда того близкого к ниспровержению господ времени была до предела чувствительна к любому проявлению барства и солдафонства. Дисциплина, строгая дисциплина органически связывалась с сознательностью. Так и говорили: сознательная дисциплина. Ничего общего у нее нет с той унижающей достоинство человека и ненавистной муштрой, на которой держалась каста "ваших благородий", "высокородий", "превосходительств" и прочего

величания. Как ясно и глубоко по смыслу звучало: "Товарищ Ленин!" И как чеканно и с достоинством произносилось: "Товарищ командир!"

- Товарищ командир корабля! Экипаж построен. Через пять минут подъем флага! - с каким внутренним трепетом услышал этот рапорт в первое утро командования "Червоной Украиной" Кузнецов, как трудно было ему овладеть собой, чтобы ни один мускул не дрогнул на лице, когда увидел застывший строй, услышал серебряные звуки горна, играющего "зорю", привычное "Время вышло", кивнул, и вахтенный офицер скомандовал: "Флаг и гюйс поднять!" Раскатами отозвались, зазвучали и "зоря", и все команды на других кораблях, словно эхо от флагмана. Его корабль был флагманским, на нем держал свой флаг командующий флотом Иван Кузьмич Кожанов.

"Матросский флагман" - с любовью называл его Кузнецов. Кожанов - БТО Сама революция. Большевик с марта семнадцатого, еще совсем юный мичман. Кожанов - это матросские полки против Юденича на Балтике и против белогвардейцев на Волге, экспедиционный корпус моряков против англичан на Каспии, это судьба возрождаемого флота. Командующий на Балтике, на Дальнем Востоке, слушатель Военно-морской академии при ее возрождении, военно-морской атташе в Японии. "У меня раскосые глаза", - шутил он. Ум, знания, понимание будущего пути развития флота и его оружия, блестящие и краткие разборы учений, походов, происшествий, точные, дельные указания, уважение к авторитету и самостоятельности командира, а это чрезвычайно важно, когда на корабле - высший штаб, тесно, много указующих и часто бывает всевозможное начальство...

И вот флаг поднят. Экипаж надо распустить по местам. Но командир медлит. Не спеша он обходит строй, вглядываясь, как наставлял Ралль, в лица. Остановился, заговорил негромко, но так, чтобы слышал каждый. Он сказал, что знает крейсер с достроечной стенки завода, им командовали отличные моряки, хорошо обучали людей, успешно выполняли сложные поручения командования и правительства, экипаж всегда был дружный, сплоченный; в Стамбуле в ночь перед выходом для сопровождения яхты афганского короля Амануллы-хана, в опасный момент, когда у борта три наших эсминца принимали топливо, случился пожар у действующего котла, экипаж по авралу блестяще справился с огнем, к утру л следа от пожара не осталось, даже трубу так покрасили, что ни турки, ни свои не могли ничего заметить, и в назначенный срок корабль отсалютовал королю и занял свое место в эскорте. Сообщил, что шесть лет назад на траверзе Ялты корабль так тряхануло, будто

он наскочил на подводную скалу; командир Несвицкий, невысокий, тучный, глазки узкие, на вид нелюдимый, а на самом деле человек добрый и моряк надежный, - он эсминец "Азард" когда-то вывел с минного поля, когда погибли три других эсминца, - быстро скомандовал "Стоп!"; обследовали все снаружи, внутри, пробоин нет, оказалось, "Червона Украина" попала в эпицентр знаменитого ялтинского землетрясения. Рассказал и о неприятностях, о своих ошибках в разное время службы, даже о таком смешном случае, как его батарея без конца салютовала разным турецким чинам и сбилась со счета, задолжала один выстрел стамбульскому губернатору; тот потребовал удовлетворения, но уже спустили флаг, нельзя салютовать после спуска флага, пришлось, всем на удивление, палить с утра. Вспомнил, до какой ошибки довела его и собственная рассеянность, и неточно переданное распоряжение начальника, отдыхающего на борту: "Приготовить к утру машины!" Передал семафор на все корабли - приготовить машины к походу, а надо было к моменту пробуждения начальства и сопровождающих лиц вызвать на стенку из гаража автомашины. Не корабельное это занятие - "готовить к сроку" автомашины.

Смеялись, удивлялись, не привыкли слушать такое в строю. Но подметили в этом "тесном мире":

смешное про себя вспомнил, а опустил, что в ту ночь в Стамбуле, когда тушили пожар у действующего котла, он остался за старпома и командовал всем, даже "косметическими работами". На корабле это знали: тренировка "тушения пожара у действующего котла" стала постоянной.

И о себе он рассказал самое, как считал, главное: где родился, где рос, где служил, сообщил, что в академию его послали с "Червоной Украины" и вот вернулся на свой корабль. А потом пошли будни, служба, боевая подготовка днем и ночью, исполнение задуманного. Он добился выхода из зимнего ремонта и начала плаваний в марте, ломая - запомним это - привычку, шедшую с Балтики, где льды не позволяют весной плавать.

К осени 1934 года крейсер претендовал на звание лучшего корабля Морских Сил. Предстояли зачетные стрельбы по щиту, буксируемому "Красным Кавказом". Артиллеристы готовили новинку - упреждающий удар, успех с первого залпа. Придет время - новинка станет пусть еще слабым, но ростком повышенной готовности. Стрельбу на больших скоростях и на предельной дистанции Кузнецов называл дебютом главного артиллериста Аркадия Владимировича Свердлова, в войну бессменного начальника штаба Азовской, а потом и Дунайской флотилий.

Свердлов явился на корабль одетый празднично, словно на парад. В море вышли под флагом комфлота - Кожанов на мостике. Погода, осенью это бывает на Черном море, внезапно испортилась. Ветер, волна, дождь. Кожанов хмурится, глядя в бинокль. Видимость плохая. Не отменит ли комфлот стрельбы?.. Свердлов в своем парадном наряде залез на высшую точку наблюдения, на фор-марс. Хлещет дождь, перед дальномером пелена. Но уже засечены верхушки мачт "Красного Кавказа", рассчитана дистанция до щита, только бы не задеть буксировщика, и такое бывало. Свердлов просит у командира разрешения открыть огонь.

Взгляд на комфлота, тот не отрывает глаз от бинокля, и Кузнецов бросает: "Добро!" Как он выразился потом: "Все мосты были сожжены". А дождевой шквал, как назло, усилился. Ревун - и тотчас дружный залп. Четыре желтых факела вылетели из пушек. Ветер рвет за корму дымный шлейф. Наблюдатели докладывают: три снаряда - перелет, один - недолет. Накрытие. Свердлов командует: "Поражение!" Комфлот не верит глазам своим. Он приказывает подойти к щиту. Щит в рваных ранах. Комфлот тут же составил радиограмму всему флоту. "Впервые я видел..." - запомнил Кузнецов начальные слова радиограммы, извещавшей флот, в какой обстановке, при какой погоде, на какой скорости и дистанции "Червона Украина" добилась успеха.

Остался один выход на ночной бой, и крейсер станет лучшим кораблем. Но, выходя, "Червона Украина" намотала на винты сети бонового заграждения и вернулась в базу.

Все видел С. Д. Солоухин: "Выходили в темную ночь. Свежий ветер. Входные ворота не обозначены. Можно "искать виновного". Но Николай Герасимович не искал, не свалил вины на рулевого, на вахтенного, на рейдовую службу. Он - командир, а по уставу за навигационную безопасность корабля полностью отвечает командир. Первенство отдали "Красному Кавказу", это понятно. Кузнецов вернулся с разбора учений, собрал личный состав, объявил об этом и сказал: экипаж все сделал, чтобы завоевать первое место и заслужил его. "В том, что произошло, виноват только я, ваш командир" - так и заявил. И личный состав оценил его прямоту".

Нелегко дается такое признание. Но не побоялся аке "командир переходного периода" признать свою неумелость и на глазах у всех отрабатывать маневр.

Не постеснялся и "матросский флагман" Кожанов открыто принять укор подчиненного, об этом случае в бригаде подводных лодок узнал весь флот. Приехав внезапно, Кожанов при начальнике штаба, при командире дивизиона новых лодок типа

"М" упрекнул командира бригады, будто слишком медленно идет освоение "малюток". Комбрига подводники любили, но была у него слабость робел перед начальством, любую несправедливость выслушает молча, а потом страдает. Возможно, сказывалось, что он был из офицеров царского флота, человек честный и храбрый, а возразить красному комфлоту не посмел. Заметив, что комбриг краснеет от обиды, Кожанов сказал: "Вы, начальник штаба, и вы, командир дивизиона, тоже виноваты: плохо помогаете комбригу... Что же вы молчите, разве не так?" - "Нет, товарищ командующий, не так, - сказал командир дивизиона. - План боевой подготовки составлен точно по расчету времени на каждую задачу. Вы утвердили этот план, и он строго выполняется". Кожанов удивленно на него взглянул и сказал, обращаясь к комбригу: "В таком случае проверьте, возможно, я и допустил ошибку. А вас, товарищ Крестовский, благодарю за смелость и прямоту".

Заразителен не только дурной пример, в еще большей степени хороший. Помните, как сказала о своем отце-бунтаре Марта Николаевна из коммуны на Красной, 40: если человек один раз сделал доброе дело, его уже тянет на этот путь. Тем более человека цельной натуры, восприимчивого ко всему справедливому.

На Тихом океане молодой комфлот в жаркий день лета 1938 года шел на штабном "Альбатросе" к минному заградителю "Аргунь" на рейд бухты Золотой Рог. Его заметили издалека, поспешили вывалить парадный трап. Комфлот дал знак спустить штормтрап, как назло в тот день его зачем-то сняли с внешнего борта. Белый "Альбатрос" близок. Вася Митин, новичок, понукаемый боцманом, закрепил и раскатал с высокого борта запасной штормтрап. Старшина багром подтянул его к "Альбатросу", статный комфлот, весь в белом по форме "раз", ступил на первую балясину, и - какой ужас! - комфлот в воде, старшина едва успел подхватить его и вытащить на катер. Промокли ботинки и низ белых брюк. Одна сторона штормтрапа была плохо закреплена. Боцман зло оттолкнул новичка, сам закрепил трап, комфлот поднялся на борт внешне спокойный, поздоровался с личным составом, молча обошел корабль и по тому же штормтрапу спустился на "Альбатрос". В главной базе - переполох. Проверки, комиссии, ищут недостатки, хотя накануне публично хвалили минзаг за боевую выучку и дисциплину. Но шутка ли, едва комфлота не утопили. Вскоре комфлоту на стол положили приказ с перечнем наказаний и взысканий - всем, всем, включая боцмана и "злоумышленника" Васю Митина. Комфлот задумался. За что наказывать? За то, что он ноги промочил? А надо ли было комфлоту лезть по штормтрапу?

Комфлот все перечеркнул: "Взысканий не надо. А вот лучше обучать людей морскому делу необходимо". Вряд ли Кузнецов после того случая пользовался штормтрапом без острой необходимости. К слову, лет тридцать спустя "матрос-злоумышленник", уже капитан 1 ранга В. А. Митин напомнил об этом Николаю Герасимовичу. Он рассмеялся: "Ну за что же вас было судить? Какой моряк не плюхался в воду - в жизни это не самое страшное"...

Известно, не ошибается лишь тот, кто не работает. У каждого моряка и в молодости, и в зрелом возрасте случаются неприятности, малые и большие. Но не всякий, возвысясь, хочет о них вспоминать. А бывает, и не терпит, когда ему о них напоминают. Не в том достоинство, чтобы всегда и во всем выглядеть непогрешимым, а в том, чтобы из собственных ошибок извлекать пользу и для себя, и в поучение другим. Этому Кузнецов стремился следовать всю жизнь.

Но вернемся на его корабль, в тот последний год "доиспанского" периода, в пору удач и невезений, напряженной борьбы за боеспособность и боеготовность корабля. Опять будни, опять плановые и срочные выходы, то с комбригом, то с комфлотом, то с членами правительства - с Ворошиловым, Орджоникидзе, то встреча с таким почетным гостем, как Георгий Димитров; снова борьба за "первый залп" - это перешло и на другие корабли флота, борьба за первенство - экипаж сплавался, поверил в командира, сопереживал все огорчения и радости. "Червона Украина" подошла к победному финишу. Опять последнее испытание. В сентябре 1935 года прошли учения флота совместно с авиацией под началом Кожанова и в присутствии представителя Морских Сил страны Э. С. Панцержанского, известного флагмана. К концу учений крейсер в полной тьме и при сильном ветре возвращался в Севастополь. Панцержанский стоял на мостике молча, как и все эти дни, что-то записывал в книжечку и, видимо, ждал, как командир, войдя в базу, справится с последним маневром.

Много раз Кузнецов отлично выполнял этот маневр в полной темноте, не задевая бочки кормой, не повреждая винты и не освещая бочку прожектором. А тут все внутри напряглось, так и тянуло скомандовать: "Включить прожектор!" Ох как тяжко, когда от твоего последнего шага в какие-то считанные минуты зависит итог всего, чего в течение года добивался весь экипаж.

За десять минут крейсер, такая махина, не освещая бочек, отдал якорь. Панцержанский, искуснейший моряк, пожал руку Кузнецову и. воскликнул: "Браво, кэптен!.."

Разве это не равно признанию: отличный командир?!

Кузнецов и потом, на всех ступенях службы, считал должность командира корабля главной в биографии моряка. Это понимал, чувствовал каждый из плавающих командиров.

Контр-адмирал Трифон Григорьевич Катышев, мой давний знакомый, рассказывал, как его, еще капитана 1 ранга, перед назначением на крейсер вызвал в 1953 году в Москву главнокомандующий ВМФ Адмирал флота Н. Г. Кузнецов, Сорок минут главком наставлял его, как следует начинать на крейсере службу, как лучше командиру корабля строить отношения с матросами, с офицерами - молодыми и постарше, наставлял, не навязывая своего мнения, а советуя на основе опыта и наблюдений, и ни минуты не потратив на обычные расспросы о том, что можно прочесть - и он, конечно, прочел - в личном деле, оно лежало на столе.

Уважение к должности командира испытал и лейтенант Щедрин на Тихом океане, уже старший лейтенант, когда пришел в конце 1938 года к комфлоту с необычной просьбой: снизить в должности. Четыре года Щедрин командовал и "малюткой" и "щукой" без аварий, командир бригады аттестовал его на командира дивизиона, очень тогда флот нуждался в комдивах. А Щедрин просил комфлота не утверждать повышения. Просил оставить командиром подводной лодки, только не "щуки", а "эски", быстроходной, хорошо вооруженной, способной пройти 10 тысяч миль без заправки топливом. "Очень хочется покомандовать таким кораблем?" - "Очень, товарищ командующий. Уж больно корабль хорош". Кузнецов удовлетворил его просьбу. Корабль, на который назначили Щедрина, стал его главным кораблем, знаменитая в войну "С-56", гвардейская и краснознаменная кругосветница: в октябре 1942 года в числе других подводных кораблей ее отправили на воюющий Северный флот через два океана - Тихий и Атлантический - в третий. Ледовитый, а после Победы "С-56" вернулась Северным морским путем на Тихий океан, ее подняли на Корабельную набережную Владивостока, превратив в мемориальный музей. Много лет спустя Герой Советского Союза вице-адмирал Г. И. Щедрин, сам прошедший путь до командира соединения, а потом и до командующего, говорил: "Я еще не был утвержден комдивом. Сложнее было моему Другу Льву Михайловичу Сушкину, он больше года командовал дивизионом и тоже упросил комфлота понизить в должности ради такой же "эски". Наверно, Николай Герасимович, как и многие из нас, разделял мнение, что самая ответственная, трудная, но зато и самая романтичная на флоте должность, а потому и лучшая для морского офицера должность командира корабля".

Три года командовал Кузнецов "Червоной Украиной". Получая орден из рук Калинина, запомнил обращенные к награжденным слова: "Пришло время флоту принять большее участие в обороне страны". Флот рос, многие уезжали с Черного моря на Тихий океан, на Север, на Балтику. В штабе говорили, что и Кузнецова могут коснуться осенние перемещения. Но он не думал, что все может произойти так вдруг и так необыкновенно. Он не понял смысла загадочной радиограммы Кожанова, врученной ему на евпаторийском рейде в самый напряженный месяц морской страды - в августе 1936 года: "Вам разрешается сегодня выезд в Москву". Ни а каком выезде Кузнецов не помышлял, не просил никакого разрешения. Что за срочность, что произошло? Если случилось что-то с матерью, почему не в Котлас, не в Медведки?.. Он немедленно снялся с якоря, пришел в Севастополь, тут же узнал, что ему заказан билет на вечерний поезд, явился к командующему. Но и комфлот ничего ему не объяснил. Кузнецову даже показалось, что комфлот что-то скрывает, в Москве все прояснится и его вернут на корабль. Не стремясь ни к должностям, ни к перемене профессии, он и предположить не мог, что это поворот в его судьбе, расставание с кораблем.

Его корабль - восемь лет жизни. Он не забыл, как, уезжая в академию, сошел с "Червоной Украины" в Одессе, впервые увидел свой корабль со стороны и был готов на год отложить учение. Не забыл и досады, когда старпомом направили на другой, новейший, но не его крейсер. Не знал за все годы домов отдыха, отпусков, а когда случился в академии отпуск, выпросился в плавание на торгово-пассажирском судне в Кильскую бухту, в Гамбург, в Гулль, в Лондон. Привязанность к главному в жизни кораблю у моряка так сильна, что и после Испании - а Кузнецову предстояла поездка в Испанию - он, попав впервые в санаторий, еще надеялся сбежать на день-другой и повидать свою "Червонку". Днем личного траура стал для него день гибели "Червоной Украины" в Севастополе от бомб. Высшие должности, причастность к решающим событиям в государстве, все, чему Кузнецов отдал десятилетия жизни, все было ему дорого до последнего дыхания. Но корабль был и остался его первой любовью навсегда.

4. Урок Испании

Теперь, когда сгинул Франко, когда истлели кости фалангистов из "Голубой дивизии", памятной всем, кто пережил Великую Отечественную войну; когда вернулись на родину выросшие в Советском Союзе испанские дети, вернулась пламенная Долорес Ибаррури - Пасионария, на берегу Волги

осталась могила сына, героя-пулеметчика Рубена, погибшего под Сталинградом, когда в мировой литературе как реквием зазвучал роман "По ком звонит колокол" Эрнеста Хемингузя, тоже волонтера испанской национально-революционной войны, и теперь урок Испании, ее мужество, ее трагедию не выжечь из памяти человечества.

"Но пасаран!" - гремело над Испанией, когда вся страна от мала до велика закипела, ополчилась против фашистского мятежа. "Они не пройдут!" по этому зову на Пиренейский полуостров устремились поодиночке через горные тропы, через все преграды антифашисты разных континентов из 54 стран мира. Республика побеждала. Республика была способна подавить в зародыше мятеж генералов, если бы не коварство и лицемерие тех, кто превратил Пакт о невмешательстве в ширму для интервенции фашистских держав и в Орудие удушения Народного фронта. "...Ирун пал из-за отсутствия патронов, в то время как в нескольких километрах от Ируна, за испанской границей, стоял эшелон, вагоны которого были наполнены миллионами патронов для ружей наших дружинников, - так еще в первые месяцы борьбы с гневом говорила Пасионария, обращаясь к народу Испании. - Необходимо, чтобы наш народ знал, кто и почему задержал на французской территории самолеты, отправленные нашим правительством в помощь Бискайе, когда Бискайя страстно просила помочь ей, чтобы не пасть в неравной борьбе". Республику предали, принесли в жертву с той же легкостью, с какой отдали Гитлеру и Муссолини Эфиопию, Чехословакию, Балканы, Польшу, подталкивая войну на Восток.

Каждый, кто пережил испанскую трагедию, усвоил урок на всю жизнь: революция не может оставаться безоружной перед хорошо организованным жестоким врагом, она должна научиться уметь воевать, быть в постоянной готовности к самозащите. Этот урок за год работы в Испании прошел и Кузнецов.

Его назначили военно-морским атташе. Ошеломляющий поворот. Был ли он к этому подготовлен, что он знал о подобной работе? Кожанов охотно подшучивал над своей раскососостью, но никогда не уточнял, что за должность морской атташе при посольстве в чужой стране. Побывал по дозволению Москвы на "Красном Кавказе" японский военно-морской атташе, настойчиво выпытывал у старпома: почему в главном калибре нового крейсера оставлено всего четыре орудия, какими новинками корабль начинен и что вообще означают такие перемены? Зрела новая серия легких крейсеров типа "Киров", быстроходных, скорострельных, дальнобойных, оснащенных приборами центральной наводки. "Красный Кавказ" был предшественником,

своего рода прототипом будущего, об этом рассуждать с "морским агентом" чужой страны, конечно, не следует.

За рубежом Кузнецов уже побывал: Гетеборг, Берген, Тронхейм, Гамбург, Киль, Гулль, Стамбул, Афины, Неаполь, Мессина, Яффа, Порт-Саид - немало для моряка тридцатых годов; но всегда он шел за рубеж на корабле, на своей палубе, на кусочке территории своей страны, сходя ненадолго на чужой берег с товарищами по экипажу. Была при встречах с чужим миром безмерная наивность. Все казалось ясным - кто твой друг и кто враг. В Греции на открытый рейд возле Афин вслед за "Красным Кавказом" пожаловал британский крейсер владычице морей не терпелось поскорее установить, зачем сюда пришли и чем занимаются советские моряки. Британский командир тотчас явился с "дружеским визитом", хотя его правительство не искало дружбы с нами, все ощупал, все обнюхал, "отведал по традиции русской водки, закусив ее икрой", и отбыл, умиротворенный звуками гимна "Правь, Британия!", исполненного корабельным оркестром, наверно, впервые. В Стамбул ходил не раз, но один из последних походов на "Червоной Украине" турецкая пресса отметила то ли похвалой, то ли шпилькой: "Русские, очевидно, хорошо знают наши проливы, если сумели ночью самостоятельно пройти через Босфор!" А как не знать, если другого выхода из Черного моря нет. Да, турки предостерегали командира об опасности ночного плавания в босфорском лабиринте. Но приказано Кузнецову вернуться в базу в назначенный срок. И он вышел из Стамбула ночью на свой риск, благополучно выбрался в Черное море, показал к утру свой флаг у Констанцы и был вовремя в Севастополе. Кто из черноморцев, если он плавал не только в каботаже вдоль своего берега, не пережил нервотрепки на этом суетливом перекрестке? Старая лоханка под греческим флагом - то ли крупно застрахованная, то ли по чьему-то недоброму наущению - мельтешила однажды перед крейсером в проливе, стесняла в узости его ход, назойливо подставляя ему то правый, то левый борт. Другой командир мог бы и проучить, прижать наглеца. Кузнецов сдержался, вывернулся, обошел и только тогда погрозил хулигану кулаком. Интуиция командира, понимающего, какой стране принадлежит его корабль, подсказала: нет резона возиться с мелкотой и ввязываться в инцидент.

Конечно, такие встречи с иноземцами, заходы в иностранные порты многому научили. Но этого мало для работы за рубежом, да еще в республике, нажатой в клещи флотами стран, называющих себя нейтральными, в их числе значились и фашистская Германия, и фашистская Италия.

Кузнецов предпочел бы попасть к месту назначения морем. Половина пути знакома - моряк, даже раз пройдя, запоминает в деталях все особенности пути. Позже, когда Кузнецов стал главным советником республиканского флота, он старался зримо представить себе, как испанские и советские суда (их условно называли "игреки") идут из Черного моря с оружием, самолетами, танками и волонтерами на борту, преодолевая опасности, мысленно рассчитывал, где фашистский разведчик способен засечь наш "Курск" или испанский "Магальянес", когда и какие необходимы маскировка, смена названий, обманный маневр, уход к африканскому побережью, в какой момент надо прикрыть "игреки" от бомб юнкерсов авиацией, а ее в распоряжении флота очень мало, где дальномерщики линкоров "Дойчланд" или "Шеер" могут опознать "игреки", в какой точке выгоднее обеспечить им встречу и охранение, чтобы уберечь от торпед нацистских субмарин, от огня итальянских эсминцев, подаренных Муссолини мятежникам. Кузнецов и сам выходил навстречу мужественным торговым морякам, сожалея, что прежде он так и не смог угнать весь путь от Черного коря до Картахены.

Ему назначили другой путь. В Москве дали сутки на сборы и приказали добираться до Мадрида самолетом и только в штатском, лететь в Париж через Кенигсберг, Берлин, Кельн, через страну, которая руководила мятежом, заседая в Лондоне в "Комитете по невмешательству" и цинично сохраняя с республикой дипломатические отношения. Его предупредили: надо быть бдительным на промежуточных аэродромах; для того и сшили ему штатский костюм и наделили шляпой, странной в те годы для нашего человека, да еще военного.

Урок начинался. Германию Кузнецов, казалось, повидал, запомнил; когда четыре года назад плавал на пароходе "Кооперация" пассажиром, тогда он чувствовал себя и в Киле, и в Гамбурге желанным гостем - друг докеров, друг каждому рабочему человеку. А теперь - все вверх дном. Иной мир, иная реальность: стальные каски, оловянные лица, стальные глаза, автоматы, нацеленные будто на тебя, словно ты узник в самолете, и сквозь иллюминатор хмурый рабочий-заправщик на плоскости с замысловатым перстнем на безымянном пальце узловатой, с вздутыми венами, действительно натруженной руки. Глазам своим не поверил, когда разглядел, что это перстень-свастика на руке пролетария, от которого он ждал хоть тайного знака солидарности. Наивности еще хватало, но она рушилась.

Кузнецова даже позабавило, когда в Париже незнакомый сотрудник советского посольства, встретив его на аэродроме и назвав по имени, сострил: "Разве трудно узнать человека, никогда

не носившего шляпу и штатский костюм?" Костюм и шляпу он в Париже сменил, вид его теперь вполне соответствовал общепринятому на Западе стандарту. Смутился в Мадриде, когда почувствовал, что его элегантность выглядит вызывающе: все ходят в синих или серых комбинезонах, Так происходило не с ним одним - не та заграница. Переводчица из Ленинграда Л. Л. Покровская, в Испании она какое-то время помогала Кузнецову - дону Николасу, сеньора Люсия, как ее называли, едва приехав из Парижа, выслушала в отеле взволнованную речь молоденькой горничной: "Вы не боитесь носить шляпку? У нас ведь революция, шляпы носят только богачи - рикачонас. Смотрите, сеньора, как бы у вас не было неприятностей на улице!.."

Испания не признавала западный стандарт. У революции своя униформа. Как не вспомнить тут "человека в кожаном" из Котласа, первую встречу с моряком революции на Северной Двине. Хотелось скорее окунуться в гущу этой бурлящей испанской революции, скорее на флот, еще на родине Кузнецов знал: флот остался верен республике.

"Постарайтесь быстрее познакомиться с флотом. Испания, как видите, окружена морями, и поэтому флот может сыграть важную роль, не правда ли?" так, мягко, но определенно при первой же встрече в посольстве сказал комбриг В. Е. Горев, военный атташе, и Кузнецов без колебаний признал в нем старшего, понял, что от него, как от моряка, ждут оценки положения на флоте - чем быстрее, тем лучше. Нечего ему делать в Мадриде, немедленно - в Картахену, туда, где сосредоточен флот. Немедленно? Быстрее еще не означает немедленно. "Нам, - предупредил комбриг Горев, - придется выполнять свои обязанности атташе в сложной обстановке". Именно атташе: каждый шаг ограничен дипломатическими правилами. Он приехал не в чужую страну, а на фронт борьбы против фашизма, не выпытывать, как тот японский атташе, а помогать друзьям. Все верно, только тут иная страна. Тут нуждаются в нашей помощи, ждут ее, но еще сильны политические распри, противоречия, предрассудки, следует разобраться ЕО всей запутанной обстановке, соблюдать выдержку, считаться с самолюбиями, с привычками, обычаями, словом, и времени нельзя терять, и терпения.

Поездка на флот совпала с формированием коалиционного правительства; морской министр, социалист Индалесио Прието, еще не утвержден, он пока не мог приказывать, но не возражал против посещения эскадры военно-морским атташе совместно с Педро Прадо, членом Центрального комитета флота, фактической власти на эскадре, что-то схожее с нашим Центробалтом времен семнадцатого года; Педро Прадо, бывалый моряк и

революционер, поводырь дона Николаса в этой поездке, смотрел с иронией на его парижский костюм и утешал: в поезде стерпят, а в главной базе он обеспечит компанеро русо настоящим флотским моно и наилучшим беретом. Прадо познакомил Кузнецова в Картахене с командиром главной базы, сводил на эсминец, принимающий боезапас перед выходом на обстрел мятежников в Сеуте, и заспешил в Малагу. Кузнецов остался один и "без языка". С Прадо он говорил по-французски, в кабинетах министерства, в "капитании" - резиденции командира базы - его тоже понимали. Но ему надо быть понятым на кораблях и самому понимать. Сколько-то испанских фраз и флотских терминов, им заученных, - этого ничтожно мало, чтобы в два-три дня выполнить задачу, поставленную комбригом. Но надо. Вот тут-то и началась нелегкая для Кузнецова школа его "испанского периода".

Первые впечатления странные, противоречат всему его воспитанию, всем его представлениям о военно-морской службе. По набережной часами разгуливает германский консул. На внешнем рейде маячат итальянские и германские корабли. Фашистские корабли. Это и есть "контроль за невмешательством"? Какой же это контроль, это слежение за флотом Республики, открытый, наглый шпионаж в ее водах, в ее главной базе! Кузнецов уже знал: фашисты засекают каждый выход, идут следом за кораблями к берегам, занятым мятежниками, и там мешают боевым действиям флота Республики. Как в таких условиях флоту воевать? В базе толпы возбужденных людей, всплески темперамента, споры социалистов с анархистами, распри, переходящие в драки. Митингуют на улицах, митингуют на кораблях. Все за Республику, все, кажется, готовы воевать. Да не "кажется", а, судя по внешнему виду эсминцев после похода в Гибралтар, уже воюют. И не хотят люди передышки, не требуют отдыха. Кузнецов видел, с каким рвением, едва возвратясь, матросы взялись за погрузку боезапаса. Но что это: на плече снаряд, в зубах - зажженная сигарета. Дымят прямо у боевых погребов. Усилием воли он сдержал себя - вмешаться он не имеет права, одернуть обязан старшина или командир. Никто не одергивает, словно не видят в этом проступка. Неужели люди, крещенные огнем, не понимают, что без дисциплины корабль и в мирное время небоеспособен, тем более на войне.

"Приспособляемость к практической жизни удивительно высока" - так, кажется, отмечено в его давней аттестации. Приспособляемость к здешней жизни куда сложнее. Кузнецов пока действовал как бы во тьме. Узнать флот можно только в море.

Никак не предполагал, что ему такое предложит сам дон

Инда, о котором Михаил Кольцов писал: "...у него твердая, навсегда установившаяся репутация делового, очень хитрого и даже продувного политика" и "самые внимательные в Испании глаза". Не ожидал Кузнецов услышать от морского министра: "Флот идет на Север, в Бискайю. Не хотите ли пойти с флотом?" Министр не моряк, но он прекрасно знал, что атташе бывают лишь на военных учениях. Вряд ли случалось военно-морскому атташе в чужой стране участвовать в боевом походе: "Опасность, риск. Откажется?.. Конечно, Кузнецов обрадовался. Ответил сдержанно: "Си, сеньор". Он и не знал, какое выдержал в эту минуту испытание: две недели спустя министр, решив вернуть с Севера флот, сам попросит нашего посла назначить главным военно-морским советником дона Николаса и поручить ему важное для Республики дело - прием "игреков" в портах Средиземного моря. А сейчас, оценив это "Да, сеньор", дон Инда, блеснув "самыми внимательными в Испании глазами", посулил: "А шампанское мы с вами разопьем, когда встретимся". И не удержался от колкого напутствия: "Если встретимся"...

Впервые в жизни Кузнецов пошел в боевой поход. Он уже не юноша, чтобы упиваться красотой кильватерного строя армады в море. Они шли по местам давным-давно отгремевшей славы испанской армады - мыс Европа, Гибралтар, Сеута, Альхесирас, Трафальгар, Кадис, Виго - словно листаешь страницы фолиантов морской истории. Но теперь это арена жестокой борьбы. Гибралтар может стать ловушкой, вся надежда - полная тьма между Сеутой и Альхесирасом. Скрытность исключена: у Малаги, выстраиваясь в кильватер, десять кораблей так дружно задымили небо, что вся округа должна знать направление их хода. Германский крейсер следил до самого мыса Европа, исправно извещая своих друзей о каждом повороте и перестроении. В полной тишине замерли на палубах люди, когда в самом узком месте пролива зашарили прожекторы и луч, может, случайно, а все же скользнул по надстройкам одного из кораблей. Ожидаемых залпов не последовало, не заметили или опоздали открыть огонь тяжелые береговые батареи, а может, противник умышленно не мешал уходу флота из Средиземного моря, чтобы использовать стратегический просчет тех, кто затеял этот поход, и перебазировать свои крейсеры к Гибралтару, ближе к Средиземному морю. Всего этого Кузнецов не мог знать, все он узнает потом, когда прилетит с Севера для доклада в Мадрид и ему сообщат, что правительство исправляет ошибку, флот немедленно вернется в Картахену; Средиземное море - главный театр боевых действий, но условия борьбы на театре в результате ошибки станут сложнее. Он запомнит эту ошибку политиков

надолго как наглядный пример, до каких бед может довести незнание дела теми, кто берется руководить войной.

А пока он в походе, на мостике флагманского крейсера "Либертад" рядом с командующим флотом, идет с флотом к новому месту базирования, наблюдает радующую перемену в поведении людей. Ожидающих боя. Словно проснулся в матросах инстинкт когда-то прославленной морской нации. Море заставило каждого вспомнить, что он не только приверженец той или иной политической группировки, но, главное, еще и военный моряк Республики, составная часть экипажа. С корабля не сойдешь на берег к семье, к девушке, в ресторан в священный час обеда. Никто не отстоит за тебя положенную вахту, не выполнит то, что обязан сделать ты. Да, обязан, от каждого зависит судьба всех. Постоянная угроза с воздуха, возможность встречи с кораблями врага - все это втянуло матросов в ритм службы, даже митинги прекратились. Кажется, только вчера бурно оспаривали там, при подготовке к походу, робкую подсказку сведущих людей: не лучше ли оставить линкор в Картахене. Да, он гордость флота, от него в августе крепко досталось мятежникам, он потопил канонерскую лодку, но он стар, у него мощная артиллерия, но тихий ход, в бою он может сковать быстроходные крейсеры и эсминцы. Нет, шумели все те же говорливые анархисты, добились, чтобы и линкор шел в кильватер за флагманом посреди армады. А сегодня, сейчас, пока тихо на корабле, пока полная дисциплина. Пока. Но, как будет в бою? Смогут ли грамотно командовать, управлять боем люди, выдвинутые на место офицеров-изменников, хорошие практики, но без теоретической подготовки, не проверив свои способности в деле? О тренировках, учебных тревогах, командирской учебе и слышать не хотят: "Разобьем мятежников, тогда пойдем учиться в Кадис!" Командующий, в прошлом капитан на вспомогательных судах, еще не успел провести ни одного учения в море. Он приглядывался к сдержанному компанеро русо, чувствуя, очевидно, единомыслие в морских делах, и не прочь был услышать совет, узнать мнение, но дон Николас не высказывал своих опасений, не вмешивался. Однажды командующий, словно вызывая дона Николаса на разговор, обратил его внимание на унтер-офицера фернандо Мира, выдвинутого на должность главного артиллериста крейсера "Либертад". Кузнецов только спросил: "Он умеет управлять огнем крейсера?" - "Ему не приходилось этого делать", - ответил командующий. И Кузнецов понял: у командующего нет права командовать странное положение. Каждый вечер на мостике "Либертада" собирался весь Центральный комитет флота и начиналось обсуждение: что может произойти в самое опасное

время похода - ночью и перед рассветом, какие, по мнению каждого, надо принять меры. "Все имели право говорить, - вспоминал потом Кузнецов, - и никто не имел права остановить говорящего". А командующий флотом, кому, как не ему, предстоит командовать боем, "только вставлял иногда замечания, не настаивая на их одобрении".

Была все же существенная разница между этим "испанским Центробалтом" и нашим Центробалтом 1917 года. Наш Центробалт стал главным штабом моряков в условиях революции до гражданской войны. Он выдвинул таких талантливых матросов, как Павел Дыбенко, в нем главенствовали большевики, он контролировал, а не командовал, не указывал командирам, как командовать в бою, он решил воевать против флота кайзера в Моонзундском сражении, чтобы не допустить врага в Петроград, и на его стороне осталось немало офицеров, флот перед Октябрем был организованной и боеспособной силой, Ленин считал его самой надежной опорой революции, и не зря Николай Ильич Подвойский, рассказывая о подготовке Октябрьского восстания, писал: "Мы начали с боевой готовности флота..." А тут судовые комитеты решают когда и по кому открыть огонь, тут на мостике флагманского крейсера царит какое-то вселенское вече. Не пора ли заменить это вече комиссарами, раз Республика не успела подготовить знающих и надежных офицеров, чтобы им безоговорочно доверять?

Эту мысль он мог пока высказать только тому же Педро Прадо, единственному коммунисту в Центральном комитете флота, другу на долгие годы, когда оба сошли с крейсера на берег в шахтерской Астурии, увидели в окопах под Овьедо и боевых комиссаров, и рабочих, голодных, разутых, раздетых, но мужественно сражающихся, только лишенных помощи и руководства с других фронтов.

Трудное он проходил испытание в походе. Эскадрой ему не приходилось командовать, но он видел, как ею командуют другие, помнил и сейчас вспоминал все разборы учений, все накопленное всколыхнулось в нем в дни вынужденного молчания на мостике. Может ли моряк, какую бы он должность ни занимал, остаться сторонним наблюдателем в боевом походе? А если грянет бой?

Главным военно-морским советником Кузнецов стал, когда флот вернулся в Средиземное море и надо было защищать морские коммуникации прежде всего между Испанией и СССР. Это не только организация конвоев, защита, встреча, быстрая разгрузка техники - с причала как можно скорее в бой, это еще и наведение порядка в базе и на кораблях, активные поиски противника, ослабление его сил, настоящая морская война, в которой побеждает тот, на чьей стороне моральное и боевое превосходство. И конечно же обучение людей по ходу дела. Будничная, малозаметная работа, но без нее, как он писал, "было бы немыслимо создать новую республиканскую армию и вести длительную войну на всех фронтах"... Кузнецов уже не сторонний наблюдатель, но и не командующий. Он и его помощники, офицеры нашего флота, прибывающие из Советского Союза, обязаны вмешиваться, но не командуя, а советуя.

"Мы не виделись с Кузнецовым года полтора, - рассказывал мне вице-адмирал С. Д. Солоухин, прежде флагманский минер бригады крейсеров, присланный в Испанию в числе первых советников под начало к своему бывшему сослуживцу. - Меня перевели из Севастополя сначала на Балтику, а оттуда послали в Ливорно. где итальянская фирма строила для нас лидер "Ташкент", Когда вернулся, пошел из Одессы на "Чичерине" в Испанию. Груз серьезный танки, ястребки в ящиках, те "курносые", которым жители Мадрида, измученные бомбежками, вскоре кричали: "Муй бьен, русо!" Тяжкий путь. И мы, и танкисты, и летчики - все дежурили на палубе, следили за морем, до нас прошли "Комсомол", "Курск", "Трансбалт", фашисты озверели. К Картахене подошли ночью - бомбежка, первая в жизни. Потом к этому привыкли. Переждали налет, ошвартовались у мола, пошла разгрузка. Такого я еще не видел: ящики со снарядами швыряют,

будто в них апельсины. Выгрузили бочки с бензином перекур у бочек. Беспечный народ!.. Ранним утром вижу - Кузнецов! Никогда не видел его в штатском. Не знал, что встречу здесь, в Москве нам лишнего не говорили, а вдруг попадем к фашистам, зачем лишнее знать. Никогда прежде не обнимались, не в характере нашем. А тут - я рад, он еще больше, тискает, расспрашивает о Севастополе. Завел в свою капитанию, шикарные апартаменты. Тут и мой однокашник Дрозд, он самолетом - через Париж. Тут и Рамишвили, тоже хорошо знали друг друга, потом с ним на Балтике десанты высаживал. Кузнецов предложил отметить встречу, а ведь на корабле не позволял выпивать ни себе, ни другим. Помню, он приехал уже в сороковые годы с инспекцией на флот, я командовал линкором "Октябрьская революция", шутка ли Адмирал флота, главком, обед приготовили, спрашиваю: "Николай Герасимович, разрешите вина подать?" Нет, смеется, с вами рюмку выпьешь, начнете по животу стучать. Должности он занимал большие, бывал суров, случалось и ошибался, выгораживал кого не надо. Но еще по крейсеру помню: что думает, то и говорит, не считался, кто какой занимает пост. Если что, по его убеждению, не так, открыто возражал... Ну вот, посидели, отметили встречу, вдруг он подтянулся, появилась у него такая манера - сигнал, что сейчас пойдет серьезный разговор. Сжато - про общую политическую обстановку в стране и на флоте, про условия работы советников, не командовать, говорит, надо, а помогать. Баламутят анархисты. Каждый приказ объявляют насилием. А люди тут доверчивые, открытые, натерпелись от надменных чинодралов, для них "Да здравствует свобода!" - все, а как эту свободу отстоять, не понимают. Словом, все объяснил и к делу. Прямо узнаю и не узнаю Кузнецова, как вырос. Каждому уже подобрал дело по его характеру. Рамишвили - в главную базу. Там, говорит, такой сидит флегматичный испанец, что ему надо добавить грузинского темперамента. И ведь не ошибся - Рамишвили человек образованный, энергичный, быстро язык освоил, да так, что его чуть ли не за андалузца принимали, он все шуточки, поговорки - все умел пустить в ход, только бы наладить контакт с нужными людьми, подстегнуть, приналечь; а в главной базе, где хозяйство путаное и народ пестрый, такой советник был в самый раз. И с Дроздом не ошибся - командующий флотилией миноносцев был очень вспыльчивый, даже взбалмошный, человек, случалось, надо решение принимать в бою, а он на высоких нотах спорит с командиром эсминца. Валентин Петрович спокойно, с усмешкой подскажет решение, да так, будто и не им оно предложено, моряк он был отважный, его сразу испанцы зауважали... Ну а мне - по

специальности сразу две должности: советником главного минера в штаб флота и советником на полуфлотилию эсминцев".

Как только Кузнецов услышал, что Солоухин почти год поработал на заводе "Орландо", вооружал "Ташкент", хорошо знаком с итальянскими торпедами, он решил: вот человек, который может помочь флоту в большой беде. Эсминцы выходят в море без торпед, а в главном арсенале лежат торпеды, но без формуляров. Кто-то их уничтожил. Торпеда без формуляра - мертвый груз. У каждой - индивидуальная характеристика, проверенная и внесенная в формуляр еще на заводе. Не зная этих данных, нельзя гарантировать заданное направление, глубину, скорость движения, даже снайпер торпедного огня не сможет послать торпеду в цель. Каждую торпеду надо испытать заново. Нужен полигон длиною не меньше 12 - 15 километров. Как его создашь, когда кругом война? Нужен плес без ветра, без накатной волны и с малыми глубинами, чтобы, если торпеда затонет, ее найти и поднять. Все оборудовать, поставить вышки для наблюдателей и в начале дистанции аппарат для стрельбы, создать мастерскую, подобрать подходящих людей, водолазные боты, катера, все проделать скрытно, насколько это возможно в Испании, словом, такая работа была по плечу именно Солоухину, которого Кузнецов знал как сильного специалиста и хорошего моряка-организатора. Солоухин уже работал на наших испытательных полигонах. Его опыт пригодился республиканскому флоту - за два месяца создали полигон, испытали полтораста торпед, составили полтораста формуляров, эсминцы получили торпедное оружие. Оно пригодилось потом в решающем бою против фашистского тяжелого крейсера "Балеарес".

"Балеарес" вошел в строй в начале 1937 года. Эскадра не раз искала с ним встречи, он ускользал, охотясь за нашими "игреками". Участвуя в таком поиске, Кузнецов видел, как ждет этой встречи Фернандо Мира: "Одни зенитки стреляют, а главный калибр за полгода не выпустил ни одного снаряда!" Фернандо дождался своего первого боя, подтвердил свое умение управлять огнем.

Об этом писал вице-адмирал В. Л. Богденко, в Испании советник флагманского артиллериста эскадры. "Капитан дэ корвета" Богденко, Хулио Оливарес, стоя рядом с Фернандо, наблюдал в бинокль за падением снарядов крейсера "Либертад" и громко, как бы для себя, подсказывал по-испански: влево, вправо, перелет, недолет, накрытие! "Почти одновременное падение восьми снарядов около "Балеареса" устрашающе подействовало на личный состав мятежного крейсера. "Муй бьен", - восторженно

кричали с мостика "Либертада". "Очень хорошо!" Но мы с Мира, прильнув к биноклям, ничего не слышали. Прошло несколько минут стрельбы на поражение, и вот мы оба видим попадания непосредственно в крейсер - один или два ярко-огненных разрыва в надстройках. Сомнений нет - крейсер мятежников поражен..."

"Балеарес" фашисты восстановили. Но спустя полгода эсминцы республиканцев потопили его в ночном бою торпедами, тремя из тех, что вернул в строй С. Д. Солоухин.

И снова до предела напряженный ритм жизни главного морского советника и атташе. Боевые походы на разных кораблях эскадры, на каждый выход полагалось испрашивать у своего начальства разрешение, полеты то в Мадрид, то в Барселону, фантастические гонки по дорогам, равнинным и горным, "с дикими заносами на поворотах, - как писал в "Испанском дневнике" Михаил Кольцов, с лихим шварканьем задними колесами над обрывами и пропастями", испанские шоферы иначе не могут ездить. После одной из таких гонок Кузнецов долго прихрамывал. Опять Валенсия, Аликанте, Картахена, опять встречи с множеством различных людей разного возраста, разных взглядов, разного общественного положения и ночные встречи "игреков", разгрузки, бомбежки, удручающие вопросы министра по телефону вопреки всякой секретности: "Дон Николас, когда прибудут важные грузы?.. Как быстро вы их разгрузите?" Никто не знает, в каком накале проводит этот человек сутки за сутками, когда он спит, когда ест, всегда собран, ровен, никто и не почувствует, какие бури бушуют за его выдержкой и насмешливостью, совсем как, бывало, на Черном море, на его корабле. Только масштаб несравним, масштаб, иной, и сам он стал за эти месяцы иным.

"Сам альмиранте сказал!" - для испанских друзей этого достаточно, чтобы решить любой спор. Герой Советского Союза Сергей Прокопьевич Лисин, балтийский подводник, запомнил, с каким уважением произносили в Испании это "ваш альмиранте!". Лейтенант Лисин, дон Серхио Леон, прекрасно знал, что Кузнецов еще в звании капитана 1 ранга. Н. А. Питерский, известный штабист нашего флота, рассказывал своему другу детства адмиралу Ю. А. Пантелееву, как выручало одно лишь упоминание имени дона Николаса, если кто-то из командиров испанского флота упрямо отвергал его рекомендации: "Не надо, не надо говорить с альмиранте, я подумаю, все будет сделано".

Примчался однажды в Картахену И. Г. Старинов, наш волонтер, наставник команды испанских подрывников - асов уникальных взрывных операций в тылу врага. Только с помощью дона Николаса есть шанс получить у флота несколько глубинных

бомб. Бомбы нужны для защиты "игреков" от фашистских субмарин? Но из бомб можно выплавить тонны взрывчатки, надо взрывать эшелоны с танками, мосты. А вдруг бой быков и все асы бросятся на корриду?.. И мины будут, и коррида - испанца оскорбляет проповедь об осторожности, их бесстрашие не знает границ. Этих асов оскорбило, когда их наставник сделал предохранители к электродетонаторам: надо же успеть отбежать от мины и тогда выключить предохранитель. Как, разве может испанец-подрывник бояться? Это оскорбление! Пришлось переделать взрыватель так, чтобы его невозможно было вставить без предохранителя... Дон Николас все выслушал, спросил, не могут ли асы Старикова ударить и по юнкерсам на аэродромах: очень мешают нам юнкерсы доставлять в Картахену вооружение, включая эти глубинные бомбы. Конечно, конечно, будет удар и по юнкерсам, была бы взрывчатка.

Приехал генерал Дуглас - Я. В. Смушкевич, главный советник испанских летчиков и сам прекрасный летчик: нельзя ли ускорить доставку самолетов? Как будто от Кузнецова зависит, как скоро придут самолеты. Конечно, он обещал ускорить, он уже знал, что большой транспорт, груженный бомбардировщиками, следует в Картахену, и принял меры для его охраны. Но генералу Дугласу счел нужным сказать, что это трудно, моряки рискуют. Все соответствовало истине морякам тоже необходимо какое-то число самолетов для прикрытия кораблей и базы...

"Самого альмиранте" знал и противник, впрочем, такая популярность не устраивала Кузнецова. Генерал Кейпо де Льяно давно грозил смести с лица земли Картахену за то, что вопреки жестоким ночным бомбежкам, наперекор тройственной германо-итало-франкистской морской блокаде эта тесная, малоудобная база республиканского флота регулярно принимала "игреки" с грузами из Советского Союза; и "курносые", собранные на соседнем аэродроме, сразу летели в бой за Мадрид или Гвадалахару, а танки с запущенными еще на борту судна моторами прямо с причала мчались на фронты. Особенно возросла ярость против Картахены и ее многострадальных жителей после инцидента с ночной бомбежкой линкора "Дойчланд" в базе мятежников у острова Ивйса. В ночь на 31 мая Кузнецов ждал подхода к берегам Алжира транспорта "Магальянес" с особо важными грузами из Севастополя. Надо вывести к африканскому берегу корабли охранения, это самое сложное - за выходом следят и с берега, и с моря. Разработали обманную операцию: эскадра пойдет к Ивйса, чтобы там обстрелять с моря порт при одновременной ночной бомбежке с воздуха, назначенные в охранение к "Магальянесу" корабли

незаметно уйдут от эскадры для выполнения главной задачи. В сумерках эскадра показалась у острова, всполошила франкистов. Но в порту стоял германский линкор "Дойчланд". Обстрел пришлось отменить. Эскадра, когда стемнело, легла на обратный курс, корабли охранения отделились, пошли к мысу Бон и взяли в конвой ожидаемый "игрек". Но командующий не смог предупредить летчиков, что намеченный налет на остров Ивйса отменен. Когда настало "время Ч", так принято называть обусловленный планом момент совместных действий, в ночном небе над островом загудели бомбардировщики, германский линкор открыл по ним огонь из зениток, и летчики, не опознав национальную принадлежность корабля, действующего из базы мятежников, сбросили на него бомбы, и весьма удачно. На весь мир фашисты и их покровители подняли радиовой: республиканские самолеты разбомбили "Дойчланд". С "Дойчланда" в британский город-крепость Гибралтар открытым текстом понеслись заказы на "срочные ремонтные работы в доке" и на "80 гробов для отправки на родину останков жертв красных". В этот радиохор включился и генерал, о котором в ноябре 1936 года из осажденного Мадрида писал Михаил Кольцов: "В эфире несутся солдафонские остроты и грозные матюги генерала Кейпо де Льяно, пьяницы-наркомана, садиста и похабника". Достойный сподвижник Франке осыпал проклятиями альмиранте Кузнецова как главного вдохновителя операции, главного виновника провала тройственной блокады республиканского побережья Испании. В то же время при гробовом молчании рыцарей невмешательства "нейтральные германские корабли" расправлялись с приморским городом Альмерия, где, как и в печально известной Гернике, не было ни солдат, ни орудий, ни кораблей, ни самолетов - одни лишь беззащитные жители Андалузии. Перед этим ночью республиканская эскадра, встретив в море затемненные корабли, изготовилась к бою. Самый большой из кораблей поспешно включил прожектор, освещая свой "нейтральный флаг третьего рейха", - это шел на обстрел Альмерии линкор "Шеер". Да-да, "Шеер", он приходил в Балтику вместе с "Тирпицем" осенью 1941 года в надежде принять капитуляцию Краснознаменного Балтийского флота; он проник через высокие широты Арктики в Карское море; ему не сдался и вступил с ним в бой ледокольный пароход "Сибиряков"; его прогнали из порта Диксон морские артиллеристы и сторожевой корабль "Дежнев", сорвав известную вражескую операцию под громким кодовым названием "Вундерланд" - "Страна чудес".

Все это, наверно, всплывало в памяти адмирала Кузнецова в сороковые годы не раз. Но в ту осень 1937 года ему пришлось

невольно вспомнить о своей популярности у Кейпо де Льяно и его берлинских покровителей: когда его вызвали из Испании в Москву "для информации", как было сказано в телеграмме, он три дня проторчал в Париже, ожидая, пока агент конторы Кука раздобудет ему билет на родину - прямой, без пересадки в Берлине...

Он уезжал, уверенный, как и при внезапном расставании с кораблем, что вернется, обязательно вернется. Он знал: время от времени отзывают летчиков, танкистов, такая им выпала работа, такие бои, что трудно выдержать без отдыха. Но советники - можно ли терять их опыт? - тратили месяцы, чтобы войти в здешнюю практическую жизнь, достичь обоюдного доверия, понимания, научиться так убедительно советовать, чтобы твой совет был выполнен, как и положено на фронте, чтобы тебя узнали в деле, поняли, что ты уважаешь народ, которому взялся помочь в его справедливой борьбе, никому не навязываешь свой распорядок жизни, хочешь передать опыт своей страны, нелегкий ее опыт, а главное, что ты сам не трусливого десятка и готов не только подсказывать, но и разделить с этим народом весь риск войны.

В Москве он дал исчерпывающую информацию, ради которой его вызывали, высказал оценки, которые в нем созрели, получил в Кремле ордена Ленина и Красного Знамени, которыми за этот год его наградили. Ворошилов спросил: "Вы хотите туда вернуться?" Кузнецов растерялся, недоумевая: иного он для себя и не мыслил. Ворошилов не дал ответить: "Нам теперь здесь нужны люди". Кузнецов лишь позже понял смысл сказанного - намек на предстоящие перемены в руководстве флотами. Ему предложили отдохнуть месяц в Сочи. Не привык отдыхать, но поехал. В санатории имени Фабрициуса, попав в среду друзей по Испании, так расслабился, что не сразу заметил мрачное настроение многих отдыхающих, крупных военных. "За время нашей работы в Испании, - писал десятилетия спустя Николай Герасимович, - произошли большие перемены, тревожившие людей. Мы, "испанцы", еще не особенно задумывались над происходящим. Разумеется, нас поражало, что тот или иной товарищ оказывался "врагом народа", но в обоснованности арестов тогда еще не сомневались. Мы долго отсутствовали, а теперь, вернувшись, ходили в "героях".

Прошла всего неделя отдыха - звонок, вызов в Москву, опять "немедленно". "Вы назначены на ТОФ". Его мысли были настолько заняты Испанией, что он, моряк, спросил Смушкевича, с которым вместе отдыхал: "Ты не знаешь, Дуглас, что такое ТОФ?" - "Дорогой Николас, это будет твой любимый флот. Там самураи -

наиболее вероятный сейчас противник!"

В Испании оба узнали главного врага - германский фашизм, насмотрелись на тех, кому мятежники ближе, чем республика, на тех, кто лишил республику законного права на самозащиту. У Страны Советов, с момента революции окруженной изначально враждебными ей. режимами, много "наиболее вероятных противников", ее защитникам всегда приходилось - скажем так - держать в памяти силуэты всех чужих самолетов и кораблей. Кузнецова назначили в край, где самураи давно вели против нас изнурительную необъявленную войну. Крейсер "Ниссон" торчал на рейде бухты Золотой Рог, даже когда интервентов вытолкнули из Владивостока. Еще в 1925 году японцы занимали весь Сахалин. Чтобы выбросить их с его северной части, два небольших военных корабля, переданные вскоре в погранохрану, "Красный вымпел" и "Боровский", высаживали на Сахалин десант. "Красный вымпел", этот корабль революции на Дальнем Востоке, ходил вдоль побережья Охотского моря, где еще властвовали урядники, остатки банд Колчака и японские купцы, хотя прошло после Октября более семи лет, и устанавливал там Советскую власть. И в тридцатые годы на нашем материке цепко держались японские концессии: выкупая их на ежегодных торгах, приходилось платить золотом. Тропа самураев к нашим границам никогда не зарастала. Кузнецов вернулся с фронта и ехал на фронт, осмысливая уроки прожитого года.

Потом, когда он вправе был открыто сказать об этих уроках, он писал: "Во время этой войны мы, советские моряки, приобрели немалый опыт, ясно представили себе роль авиации в любых операциях флота, необходимость воздушного прикрытия его сил в базах, убедились, как важно, чтобы авиация, призванная действовать с флотом, организационно входила в его состав, была с ним под единым командованием и повседневно обучалась действовать на .море. Наконец, мы воочию увидели, насколько быстротечны события в современной войне, особенно в ее начале, как внезапным ударом можно повлиять на весь ход войны. Это заставило серьезно думать о постоянной боевой готовности нашего советского флота".

5. "Как справлюсь?"

"Как справлюсь?" - это сопутствовало Кузнецову на каждой ступени его "послеиспанского периода". Старание справиться, уверенность в своих силах и в крепости духа, как и убежденность в своей правоте, не равнозначны самоуверенности. Николай Герасимович однажды записал: "Добросовестность или компетентность - что же главное? Добросовестность. А компетентность? Компетентных много, но иногда такой человек

не хочет решать. Добросовестный почти всегда компетентен (а если чего и не знал, должен узнать и узнает)".

С. Д. Солоухин, как помним, глубоко уважающий Николая Герасимовича человек, но трезво критичный к нему, отмечал одну и ту же особенность его характера, которую наблюдал на разных этапах его и своей службы. Как флагманский специалист бригады крейсеров, он поверял Кузнецова, старпома "Красного Кавказа" и командира "Червоной Украины" в тридцатые годы, а потом, в начале пятидесятых, когда Кузнецов вторично командовал Тихоокеанским флотом, а Солоухин служил в Москве, поверял как инспектирующий флот от министерства. Поверял своего бывшего наркома и главкома времен войны без всяких скидок или придирок. Инспектор всегда найдет уйму недостатков и поводы для замечаний. В разные годы и в разных обстоятельствах одно и то же: Кузнецов требовал обоснования каждого пункта, спорил и, когда убеждался в правильности, все подписывал и принимал к исполнению. И от других, и от себя требовал доказательной критики. И не мстил, оказываясь в положении начальника, никогда. Даже странна, вроде бы, такая оговорка, когда ведешь речь о порядочном человеке. Порядочному человеку чужда месть и за причиненные неприятности, и за содеянное добро. Есть, существует в природе и месть за добро, может быть неосознанная, но она появляется у людей, которые тяготятся даже памятью о причиненном им добре, они считают, будто добро обязывает их к изъявлению благодарности, хотя люди справедливые и честные такой платы не желают.

Порядочность проявляется и в честной самооценке, когда берешься за жизненно важное для страны дело. Кузнецов, как известно, не стремился к должностям, хотя и подтвердил свое "пристрастие и умение командовать". Командовать кораблем, а не флотом? Да. Но он человек военный. Если есть в столь острое время необходимость в опыте людей, знающих, как в действительности рвутся бомбы и снаряды, если он способен собрать воедино все, чему его учили годами, что видел, осмыслил, накопил в памяти, если он может напрячь всю свою волю, он обязан справиться.

Было от чего взволноваться, когда Кузнецов увидел дикий, малонаселенный край, несравнимый с Балтикой, Черноморьем или Пиренейским полуостровом. Океан неожиданностей, огорчений и забот. На материке у протяженных границ сосредоточена сильная Особая Краснознаменная Дальневосточная армия, испытанная боями ОКДВА, как ее называл у нас и стар и млад. Она противостояла оккупационной Квантунской армии

Японии, систематически наращиваемой и угрожающей Приморью. А с моря? Чем защищать побережье с моря от японского флота, контролирующего все выходы в океан и даже сообщение между Японским и Охотским морями, подходы к Камчатке?

Вот справка 1941 года: флот Японии - 10 авианосцев, 10 линкоров, 35 крейсеров. III эсминцев, 64 подводные лодки, множество малых кораблей и судов, в морской авиации - 1500 самолетов; наш ТОФ - 2 лидера, 12 эсминцев, 6 сторожевых кораблей, 30 тральщиков, 46 катерных тральщиков, 92 сторожевых катера, 150 торпедных катеров, 91 подводная лодка и до 500 самолетов.

В 1938 году соотношение было хуже. Лидеры и эсминцы только строились. В конце 1936 года из Балтики через Арктику за ледорезом "Литке" и ледоколом "Красин" в составе экспедиции особого назначения О. Ю. Шмидта прошли в Тихий океан два старых "новика". Они едва не погибли уже за кромкой последних льдов на чистой воде в сильном шторме, спасение было только в форсированном ходе, а топливо кончалось; и вот механики надумали небывалое - к еще действующим форсункам вдували через вентиляторы муку из НЗ, пар поднялся до красной черты, и этого необыкновенного топлива хватило, чтобы дойти в залив Лаврентия до места встречи с танкером. В защитной обшивке из дерева и железа, неуклюжие, ободранные, эсминцы появились наконец в бухте Золотой Рог. Их встретили гудками с моря, оркестрами с берега.

Кузнецов повидал новейшие корабли и у нас, и в Испании, понимал, что эти "новики", в первую мировую войну гордость России, безнадежно устарели. Но на Тихом они были единственными настоящими надводными кораблями. Он сам пережил в двадцатые годы восстановление флота на Черном море. Там хоть достраивали крейсеры. Здесь - ни одного крейсера. Здесь шесть лет назад все начали буквально на пустом месте. Единственный военный корабль, не считая слабенькой морской пограничной охраны, все тот же "Красный вымпел", превратили в штабное судно - это бывшая двухмоторная парусно-винтовая яхта "Адмирал Завойко", на ее бархатном знамени было вышито золотом: "Поднимайте паруса на великое плавание по океану Мировой Революции!" Старые пароходы, промысловые суда, портовые буксиры с названиями, которые встретишь разве что на Тихом океане, - "Ара", "Гагара", "Баклан", "Пластун", "Патрокл", "Геркулес", "Диомид", "Босфор", "Славянка" - переоборудовали, вооружили, нарекли минными заградителями и тральщиками, составили из них бригаду надводных кораблей. Она так и осталась родоначальным ядром флота. Экипажи для

нее прислали с Балтики и Черного моря. С Запада эшелонами везли торпедные катера, береговые батареи, тяжелые бомбардировщики, разрезанные на секции "щуки" и "малютки" со снятыми рубками, рулями, винтами. Все спешно, все с доступной скрытностью спрятано среди платформ и вагонов с сеном, комбайнами и прочими грузами первых пятилеток; команды, тоже с Черного моря и Балтики, на остановках и в штатском не показывались. И все же в Благовещенске к транспортерам с "малютками" пришел японский консул, требуя, чтобы ему разрешили нанести морякам визит вежливости. Так по железной дороге формировали ТОФ. Иного выхода не было. Флот нуждался в своем судостроении, ждал кораблей, построенных на Тихом океане.

А пока Кузнецову предстояло командовать тем, что есть, и готовить берег, базы, людей для того, что будет.

"Вы поймите: мне не пришлось командовать эскадрой или быть начальником штаба эскадры, фактически я прямо с крейсера стал командующим флотом. Терпеть не могу начальников, которые поучают, как делать то, чего сами не умеют делать. Но я беру на себя смелость поучения как человек наблюдательный, видевший, как работали другие".

Звучит, словно сказано в 1938 году? Нет, это говорилось семнадцать лет спустя Борису Федоровичу Петрову, в тридцать восьмом еще лейтенанту; за семнадцать лет Петров прошел через войну, плавал старпомом, командиром крейсера, командовал отрядом кораблей в заграничном походе, был начальником штаба эскадры, ступень за ступенью блестяще служил на морях и пришел в конце 1955 года к Адмиралу Флота Советского Союза назначенный командовать эскадрой на Тихий океан. Главком пригласил его для напутственной беседы. Он объяснял, как на разных этапах командовать эскадрой; каковы нормы отношений с различными начальниками на флоте; какие существуют проблемы взаимодействия с родами флота и войск: "...надо поддерживать с ними уже сейчас ясные отношения"; как важно определять степень риска, чтобы риск не перерос в необоснованную авантюру, "Не рискуя, ничего хорошего не сделаешь" - это его, Николая Герасимовича, слова. Не лозунгами - конкретно он говорил: необходимо знать командиров крейсеров, бригад, дивизий, чтобы всегда четко представлять, кто что может и кто не может выполнить, кому что можно поручить, кому нельзя. Петров, ныне вице-адмирал, один из первых наших флагманов на Средиземном море, сказал мне: "Сорок минут длился этот поистине отеческий разговор, очень много мне дал, особенно тон и откровенность".

Так наставлял он потом других. А кто его наставлял? У кого он спрашивал, как командовать флотом? У своей памяти. У накопленных и продуманных наблюдений.

Ему повезло, он учился у людей революции, особого закала и неоднородного поколения. Еще плавая вахтенным начальником на "Червоной Украине", он вступил в конфликт с молоденьким штурманом. Смотрел на него с восторгом. Остроумен, весел, добр, образован, яхтсмен, лыжник, и ко всем этим достоинствам недавний петроградский гимназист заслужил орден Красного Знамени за ледовую разведку мятежного форта под Кронштадтом. И вот на тебе: штурманок заносчив, у него диплом, у "вахначей", как он выражался, особенно у выдвиженцев из унтер-офицеров старого флота, службу знающих, провал в навигации и лоции. Так подучи их. Нет, он их просто не замечал. Те молча сносили, когда штурман, уставу вопреки, сам отдавал команду рулевым о перемене курса корабля. Кузнецов, когда такое случилось и с ним, не стерпел, дождался, когда рулевой выполнит команду, отозвал штурманка на крыло мостика и тихо, но внятно, не заботясь о деликатности, сказал: "Послушай, ты... На вахте стою я и отвечаю за движение корабля по уставу. Команды рулевому об изменении курса должен подавать я. Тебе ясно?.." - "Ладно, учтем", - ответил штурманок и то ли пожаловался, то ли просто доложил Несвицкому. Командир разобрался, что к чему. Буркнул: "Кузнецов прав, учтите". Учли оба, стали лучшими друзьями... Панцержанский, стоя ночью на мостике рядом, не лез с советами, не подсказывал маневр, дал возможность молодому командиру самостоятельно достичь удачи; тем дороже звучало его поощрение: "Браво, кэптен!" А флагман Орлов, знающий моряк, с заслугами, вмешивался во все, словно не понимал, что подавляет самостоятельность командиров... Требовательный, вспыльчивый, но удивительно чувствительный к людям Кожанов вот кто учил уважению к подчиненным. Кожанов не терпел вранья и хвастовства. Но как убедительно и не унижая человека сумел он однажды доказать легкомыслие расчетов "командира десантной высадки", считавшего себя победителем. Графически, мелком на классной доске в штабе Кожанов изобразил весь ход десанта и показал, что десантник не преуспел, а побежден, если противника считать сильным, а не дурачком, играющим в поддавки.

Учишься не только у старших - это помнил Кузнецов. С чего все началось в его службе на крейсерах, его первые успехи? На "Красном Кавказе" - с поддержки инициативы Прохватилова: "борьба за живучесть корабля для продолжения боя"; вовлек в это всех офицеров крейсера, вот и возникло то "чудо", о котором вспоминал флаг-штурман А. Н. Петров, назовем его Петровым-

первым, как в старину, чтобы не путать с Б. Ф. Петровым, которого Кузнецов наставлял, как командовать эскадрой. На "Червоной Украине" - с "дебюта артиллериста Свердлова": поддержал, не отменил в ненастье "первый залп" - тоже звено боевой готовности. Как человек наблюдательный, он приучил себя пытливо во все вглядываться, так он развивал свой дар организатора.

И сюда, на Дальний Восток, Кузнецов приехал все же не прямо с крейсера. Быть в чужой стране в бою советником не умеющего командовать командующего тоже искусство, наука морская и психологическая. Учишься и на том, чего не должно быть, в ином свете видишь все, к чему дома привык, не упиваешься, сравнивая, а прозреваешь, как не надо работать и чего следует добиваться. "Стреляют люди, а не пушки" - это пришло там, на "Либертаде", когда он увидел горячего испанца, жаждущего бить врага, но не наученного управлять огнем современного корабля. Войне учат до войны. Загодя надо готовить людей к тому, что их ждет. Растить и беречь каждого - это тогда стало для него главным.

На Саперной сопке Владивостока, над Амурским заливом, стоят теперь корпуса ТОВВМУ - Тихоокеанского высшего военно-морского училища имени С. О. Макарова. Не так много в этих зданиях этажей. Но если смотреть снизу, с моря, этажи, восходя по склону сопки к вершине главного корпуса, сливаются в общий контур многопалубного судна, увенчанного ходовым мостиком. Этот навязчивый образ, возможно, навеян сознанием: океанское училище у ворот в океан. Отсюда не первое десятилетие курсанты уходят в учебные плавания за экватор и южные тропики, пересекая океаны, огибая материки.

В 1978 году я прочел здесь строки исторической хроники: 8 ноября 1937 года учреждено третье военно-морское училище (первое и второе - имени Фрунзе и Дзержинского - в Ленинграде); январь 1938 года - прибыл из Ленинграда на станцию Вторая Речка эшелон первокурсников училища имени Фрунзе продолжать учебу на Дальнем Востоке; на первый курс зачислены также по желанию лучшие старшины и краснофлотцы ТОФ, имеющие среднее образование; начата своими силами перестройка под учебные, административные и жилые помещения старых казарм, заброшенных с царских времен; курсанты стали одновременно землекопами, каменщиками, плотниками, малярами; в конце января с курсантами встретился командующий флотом Н. Г. Кузнецов.

Мне рассказал об этой встрече О. М. Мачинский, контр-адмирал, мой давний знакомый, когда однажды в семидесятые

годы он приехал в Архангельск на традиционный сбор участников северных конвоев. Охраняя в последнюю полярную ночь войны в Баренцевом море караван транспортов, эсминец "Деятельный", на котором Мачинский служил старпомом, погиб от торпеды; и семерых с "Деятельного", в их числе и старпома, нашли на траверзе мыса Святой Нос окоченелыми, вытащили, вернули к жизни. В хронике училища он отмечен как золотой медалист № 1 первого выпуска. Окончив школу в Ашхабаде, решил стать моряком, в горкоме комсомола были путевки в училище имени Фрунзе в Ленинград. "Почему вдруг?" - "Заманила книжечка "Путь к капитанскому мостику", была, помнится, такая серия, рекламная, много солнца и воды". Путь неожиданно оказался извилистым. Четыре месяца проучились в Ленинграде, сдружились, внезапно приказ: первый курс будет учиться не над Невой, а над Амурским заливом. Не весь курс, с отбором. Часть оставили в Ленинграде, к ним при переходе на второй курс присоединили студентов из ленинградских вузов, была до войны такая практика расширения училищ для будущего большого флота. Ну а новоиспеченные тихоокеанцы, ошарашенные, взволнованные, поехали в края, о которых имели смутное представление по школьным учебникам географии. В пути все нравилось. Щелкали, вопреки запрету, "фэдами", запирались на ночь в нужниках вагонов, печатали потрясающие пейзажи, отправляли карточки знакомым девчонкам и родным почти с каждой станции, помечая на конвертах: "Ст. Ерофей Павлович", "Ст. Тыгда", "Благовещенск", "Океанская", "Широта Сухуми", "Субтропики" - знай наших! И вдруг - слякоть, грязь, известка, битый кирпич, не до "фэда" и не до писем. Попробуй: и учиться, и работать, и сохранить флотский блеск... А тут - аврал: едет новый командующий, встретить как положено. Расчистили среди казарм условный плац, построились. Комфлот парад отставил, всех собрал в кучу, спрашивает, как сочетается работа с учением, в чем трудности, вроде бы "опрос претензий". Претензий, как известно, в таких случаях не бывает. Замялись, топчутся, поглядывают на постылую сопку - как ни прибирай, отовсюду лезет наружу хлам. Комфлот понял, вспомнил: когда восстанавливали "Аврору", готовя к учебному плаванию, в печенках была эта грязь, ходили рыжие от ржавчины. Сказал: "Брюнеты ходили рыжими"... Мальчишки ожили, охотно приняли вольный тон: "Так и пошли за границу рыжими?" - "Красными!" - комфлот рассмеялся. "Так то ж "Аврора", дальний поход!" - "Правильно. Все с "Авроры" и началось. Не про нас ли поется: "Мы не сынки у маменьки в помещичьем дому, выросли мы в пламени, в пороховом дыму"?.." Задело за живое. И пошло: не

капризы все это, не белоручки собрались тут. Но день за днем бегаешь из корпуса в корпус, из класса в столовую, из столовой на работу, оттуда в спальню, все через грязь, не успеваешь ее соскребать, а порядок флотский нужен. Нельзя ли построить переходы из здания в здание, они и потом пригодятся. Своими, конечно, руками, только бы разрешили...

Комфлот терпеливо выслушал, сказал: "В принципе вы во всем правы. Когда-нибудь мы с вами превратим эти казармы в дворец. И прямо от него спустим мраморную лестницу к Амурскому заливу. Чтобы будущие курсанты шли по ней на гранитную набережную - гулять с девушками. Как вы считаете, это правильно?" "Правильно, правильно, товарищ командующий!" - обрадовались мальчишки; только местные, флотские, парни с кораблей помалкивали. Комфлот подождал, пока все уймутся, глаза свои северные сузил и сказал в полной тишине: "Но я должен с вами посоветоваться, Как с будущими командирами. Сейчас для нашего театра возможных военных действий, - он выделил последние два слова и, конечно, отметил, как все встрепенулись, - авиация, как и подводные лодки, - главнейшая сила. Только вчера к нам прибыла авиационная бригада. Она размещена в поле, в палатках. Сегодня слякоть, завтра грянет мороз - вы еще не знаете здешнего климата и условий жизни. Узнаете. Надо дать летчикам хоть минимум укрытий. Где-то поставить котел для кухни. Укрыть самолеты. Разрешите, товарищи курсанты, сначала выполнить этот минимум для авиации, а уж потом заняться мраморной лестницей к Амурскому заливу. Согласны?" - "Правильно, товарищ командующий!"...

Жестковато? Но лучше сразу сказать все как есть, чем приукрашивать, обольщать, сглаживать сложности жизни. Поддержали теперь все, даже парни с кораблей. Глаз комфлота давно их приметил - крепкие, постарше остальных, призваны, наверно, из разных городов, на корабли подбирают заводских, кто пограмотнее, они послужили, испытали на себе, что есть Дальний Восток и какова тут цена рабочих рук. Могли после срочной службы уехать, никто их не задерживал. Остались. Сознательно пошли в училище, а оно свяжет их прежде всего с Тихим океаном. Знают: здесь они нужны. Надо.

Слаб флот для огромного пространства, работу выполняет огромную. Кораблики, которые на Черном море в свежую погоду не выпустят за боновые ворота гавани, на Тихом океане проходят за год по 18 тысяч миль - надо. Изо дня в день все эти "Ара", "Гагара", "Баклан", "Пластун" и прочие тральцы таскают из бухты в бухту баржи с грузами, всегда срочными: то цемент, то боезапас,

то муку в воинскую часть; там ждут, там неделю ограничивают выпечку хлеба, а по суше дорог нет ни к батареям, ни к площадкам будущих аэродромов, ни к ближним, ни к дальним постам, только морем. Матросы сами разгружают баржу, устают, но рискованно стоять у берега, где нет мостков и для шлюпки, задует ветерок, выбросит на скалы, ребра не соберешь - ни свои, ни корабля, надо спешить. Тральщик "Пластун" торопится к Камчатке. В Охотском море десятибалльный шторм, мороз тридцать градусов, морская вода замерзает на ветру. Привязываясь, матросы скалывают лед, только бы сохранить остойчивость, надо дойти. Выскочили к цели с поломанными реями, обледенелые. Никто не скажет - подвиг, это быт флота, необходимость. Лучшая награда уважение.

Такова здесь жизнь, служба. Тихоокеанцу не требовалось объяснять, что война тут может случиться в непредвиденный день и час. На Черном море сочли достижением, что крейсер закончил в марте зимний ремонт и вышел в плавание. На Тихом океане напряженная обстановка не позволяла ставить весь флот на зиму в ремонт, здесь и надводные и подводные корабли плавали всегда. Выход подводной лодки за ледоколом из залива Петра Великого стал обычным делом, часть лодок переходила на дежурство в незамерзающие бухты, и не случайно подледное плавание тихоокеанцы начали раньше других как опыт выхода подо льдом в Японское море. Конечно, все много и долго плавающие корабли надводного "родоначального ядра", по существу, обслуживающим флот. Он и жизнь на побережье поддерживает, помогает развертыванию авиации, береговой обороны, таскает комендорские щиты на стрельбах и даже при учебном бомбометании авиации "по морской цели" служит мишенью торпедистам подводных лодок да еще сам вылавливает торпеды (не было тогда специальных торпедоловов) - отличная школа для мореходов. Тихий океан дал будущему флоту сильных командиров, флагманов в Отечественной войне и в послевоенных океанских плаваниях. Но ясно же, тральщикам и минным заградителям не заменить эскадру. В случае нападения японцев на Приморье такие надводные силы флота не могут быть приняты в расчет. Авиация, подводные лодки, береговая оборона - вот на что может рассчитывать ОКДВА, отражая удар с моря. Так прямо, без оговорок, сказал молодому комфлоту маршал Блюхер.

И для моего поколения маршал Блюхер был живым воплощением полководца гражданской войны. Каждый мальчишка знал: первый орден Красного Знамени получил Блюхер; Блюхер - это и штурм Перекопа, и огненный поход против Колчака, поход матросов Кронштадтского полка,

"штурмовые ночи Спасска", Волочаевка - все, о чем слагали песни; победа в конфликте на КВЖД в 1929 году - тоже Блюхер. Все, что заполняло и нашу юность перед борьбой с фашизмом в Испании, было связано с именем этого маршала. Для Кузнецова он с первого знакомства стал безусловным авторитетом: Блюхер - и оперативный начальник, и главнокомандующий на Дальнем Востоке, хотя флот только что выделили в самостоятельный наркомат, от чего, впрочем, как писал он потом, флоту стало только хуже.

Еще с осени, с первого знакомства, Блюхер к нему приглядывался, выяснял полушутя, охотно ли Кузнецов после плавания на юге пошел служить на Восток, да еще Дальний, проверял при случае, способен ли он по звуку определить калибр стреляющей в горах армейской батареи, и, как ученика, утешал ("даже армейцы ошибаются"), но все же надо разбираться в этом применительно к местности, вроде бы экзаменовал будущего комфлота; а теперь, пригласив его в Хабаровск на беседу, выслушивал, выяснял его взгляды на возможные военные действия, на роль в них флота, его оценку сил противника: не склонен ли по молодости приуменьшать эти силы, понимает ли, в чем наш флот слаб и каковы реальные возможности моряков при отражении десанта? Словом, Блюхер испытывал человека, так быстро идущего вверх. Это смущало, но не обижало, скорее подстегивало; сужу по всему, что написал о своих встречах с Блюхером Николай Герасимович, а он запомнил каждую встречу до мельчайших подробностей, только сожалел, что их оказалось слишком мало. Сужу не просто по уважительному тону его воспоминаний, а по решающему выводу о принципиально главных для флота взглядах Блюхера. Кузнецов писал: "Опыт Великой Отечественной войны показал, насколько был прав талантливый полководец. В войне нет ничего более необходимого и более сложного, чем взаимодействие родов оружия и видов Вооруженных Сил. Чтобы правильно распределять между ними задачи, согласовывать планы совместных действий, надо еще в мирную пору много поработать. Во время учений некоторые оперативные ошибки еще можно исправить. Иное дело в боевых условиях: здесь каждый промах в организации взаимодействия грозит тяжелыми последствиями".

Это писал человек, пережив вместе с флотом и его героику, и страдания: мужество непобежденного Гангута; мучительную борьбу Моонзундских островов и осажденного с трех сторон Таллина, трагедию таллинского перехода, лишенного прикрытия с воздуха; блокаду вторично в течение полувека зажатого в Кронштадте и Ленинграде флота Балтики; героическую оборону

так и не взятой, а оставленной противнику Одессы, организованно эвакуированной; долгую и кровавую борьбу за Севастополь, за Новороссийск, за Кавказ, за Волгу как рубеж и коммуникацию Сталинграда и как артерию, снабжающую все фронты горючим; за Север и его полуострова, где силы флота сумели сохранить в прежних границах правый фланг фронта, защитить Мурманск и Кольский залив и поддерживать огромной протяженности пути заполярных конвоев, внешних и внутренних. Это писал нарком и главком флота времен войны, во все годы на том стоявший: флот должен действовать по единому оперативно-стратегическому замыслу с армией. Все крупные военачальники, армейские и флотские, у которых учился Кузнецов, настаивали на том же единстве при сохранении флотом, как писал еще в 1928 году Р. А. Муклевич, его специфики и самостоятельности. За годы службы Кузнецов запомнил и такие уникальные случаи, когда один предложил переодеть моряков в общеармейскую форму, другой так истолковал оперативное подчинение, что скомандовал ввести на флоте общеармейский распорядок дня (Кузнецову же пришлось отбиваться от этой команды), третий посягнул на привилегии матросов и старшин корабельной службы, не поняв разницы жизни и работы на море и на суше, пока его самого не пригласили в знойный день похода осмотреть крейсер и спуститься вниз, в "его преисподнюю", в пекло "БЧ-У".

Блюхера не надо было так просвещать, он прекрасно знал флот - и наш, и японский, бывал на кораблях, на береговых батареях, понимал моряков и после совместных учений укорял: слишком близко подпускаете противника к берегу, не используете предел дальности огня. Он разделял опасения молодого комфлота: Владивосток уязвим с флангов, из районов Посьета и Сучанской долины, где легче высадить десант. "Фланги, фланги!" - твердил маршал, определяя главную и посильную для флота задачу - оборона побережья, готовность к защите Владивостока. И все же он сказал Кузнецову, что нельзя и впредь пассивно ждать противника, настало время для более активных действий, "у флота теперь для этого достаточно сил и средств". Кузнецов понял, о каких силах и средствах речь: авиация и подводные лодки. Это они способны на пределе своих возможностей обнаружить приближение противника и предотвратить внезапность нападения. Но нужны передовые аэродромы и пункты базирования ближе к океану.

В то лето, как никогда прежде, флот широко развернул свои подводные силы на ближних и дальних подходах к Приморью. Начались бои у озера Хасан прямая угроза Владивостоку. Подводные лодки, малые и средние, заняли позиции в бухтах у

выхода из залива Петра Великого и южнее, в районах знойных, где температура в отсеках, лишенных тогда охлаждения, подскакивала до шестидесяти градусов, как помнит один из тихоокеанцев, "пили кипяток, не остужая". Значительно севернее, туда, где не было ни баз, ни оборудования на нашем побережье, но зато ближе к выходу в океан, командующий отправил новые подводные заградители типа "Л", вооруженные минами, торпедами, артиллерией; мощные энергетические установки подводного и надводного хода позволяли этим кораблям долго быть в автономном плавании. С ними отправилась и плавбаза "Саратов" - кормилица, родной дом, место отдыха, общения экипажей и постоянная мишень при тренировках подводников в торпедной стрельбе. Командующий сам проверял готовность этих кораблей и проводил их в трудное плавание.

Чтобы представить себе условия подобного плавания, расскажу об осеннем походе подводной лодки "Л-7", присоединенной к дивизиону заградителей в океанском районе в октябре 1938 года. Японское море и Татарский пролив проходили в шторм с лоцманами на борту. Командующий дал командиру "Л-7" Д. Г. Чернову задание: высадив на Северном Сахалине лоцманов, выйти в Охотское море и там в течение десяти суток каждые два часа передавать в эфир метеоусловия. Самым трудным было высадить лоцманов. Двое суток штормовали в Сахалинском заливе, зашли наконец в ближайший порт, стали на якорь, спустили шлюпку с гребцом и лоцманами, едва она двинулась - местные жители на берегу разбежались, они еще не видели ни одной подводной лодки и решили, что высаживаются японцы. Гребец вернулся с запиской-предупреждением лоцманского пункта: фарватер узок, опасен, разворачиваться нельзя, надо ждать вечера, когда прилив сам развернет корабль, тогда и выходить. Но выход по фарватеру - строго по трем створам, а створные знаки не освещаются. Пришлось послать шлюпку, чтобы повесить на створы фонари "летучая мышь". Так снова вышли в бурное море и успели к сроку в район, где должны были помогать полетам авиации. Выполнив приказание комфлота, "Л-7" направилась к конечной цели похода через Первый Курильский пролив. Но здесь ее поджидал японский эсминец. На палубе киносъемочные аппараты, пушки наведены на советский корабль, эсминец затеял опасные маневры, стараясь выжать "Л-7" на мель. "Л-7", сколько могла, уклонялась вправо, чтобы не столкнуться с эсминцем, и продвигалась вперед. В критическую минуту Чернов приказал поднять сигнал по международному своду: "Ворочаю влево", дал два гудка, но продолжал движение прежним курсом. За ту минуту, пока японцы

размышляли о смысле сигнала и намерениях русских, "Л-7" проскочила в нескольких метрах от кормы эсминца и вскоре присоединилась к дивизиону у плавбазы "Саратов".

Бои у Хасана длились две недели. И тогда звучало предостережение: не поддаваться на провокации. Но одновременно и не давать спуску агрессору, не разрешать ему безнаказанно летать над нашими водами, базами, городами, остановить, дать почувствовать, что, прощупывая нашу готовность к бою, он получит отпор. Флоту выпало малыми силами поддерживать армию. Помимо дежурств подводных лодок действовали и надводные корабли, сопровождая в залив Посьет флотилию шхун, барж, мобилизованных рыболовецких судов с войсками и боеприпасами. Тральщик "Ара" сам перевез пятьсот красноармейцев предел его возможностей. "Гагару" превратили в плавучий госпиталь с операционной для срочной помощи раненым, "пластун" выручал нашу роту на острове в устье реки, впадающей в Японское море, остров штурмовали японцы. Кто знает, не удержи рота остров, японцы, возможно, вышли бы на дорогу к главной базе.

В разгар боев на Хасане флот получил предупреждение: возможен налет авиации на Владивосток. В достоверности этого Кузнецов не был уверен. Но "лучше сыграть три ложные тревоги, чем прозевать одну действительную", в чем он убедился, когда на Картахену бомбы падали до сигнала тревоги.

Что подразумевал Кузнецов, говоря: "Флоту необходима постоянная готовность"? Прежде всего умение воевать, достигаемое повседневной боевой подготовкой, учениями, тренировками. Но как при внезапном нападении быть в готовности немедленно отразить удар? В Корабельном уставе 1939 года записано: "Готовность № 1 (боевая тревога). Весь личный состав на своих местах по боевому расписанию. Средства корабля полностью изготовлены к немедленному действию". Это - в походе, на стоянке, на рейде. Но как держать весь флот, такой разнородный и сложный организм, в постоянной высшей готовности к бою? Флот - это не только плавающие корабли. Это и авиация, и береговая оборона, и служба связи и наблюдения, и множество других формирований, включая такое огромное, как тыл, в те годы Главвоенпорт, в нем ремонтные базы, доки, всевозможные цехи, даже мастерские для изготовления весел, устроенные поближе к буковым лесам, все склады - от продовольственных и вещевых до боепитания и горючего, все службы, необходимые для того, чтобы оружие было готово к бою. К слову, с начала 1938 года комфлот, на удивление работникам тыла, ввел непривычные, но обязательные тренировки: "Тыловое

обеспечение боевых операций". Он знал, помнил: все начинается с берега, срочный выход в плавание невозможен, если какая-либо из служб на берегу не в состоянии быстро дать кораблю все необходимое для боя лишь потому, что кто-то из ее работников не окажется на месте. Элементарно, но знакомая всем общежитейская беда должна быть в условиях военной службы напрочь исключена. Между тем люди флота, как и все люди, не только работают, но и отдыхают, хотя и живут в более строгом режиме и ритме. Строже служба на корабле, но и там существуют дни, а точнее, часы увольнения личного состава. Непросто до окончания срока увольнительной вернуть на корабль людей при внезапной необходимости. Еще труднее заменить отсутствующего на боевом посту.

Но войны, как известно, в наш век заранее не объявляют. На ТОФе, на пограничном флоте далекого района, прежде других задумались над тем, что позже распространилось на все флоты, - над системой ступенчатой готовности. Штаб флота, начальником штаба стал В. Л. Богденко, он вернулся из Испании, и особенно начальник оперативного отдела М. С. Клевенский, в прошлом командир подводной лодки, а в будущем командир либавской базы, занялись этой сложной работой в таком темпе и напряжении, что Кузнецов, вспоминая, выделял неистощимую энергию операторов. Они не стеснялись среди ночи разбудить любого начальника, если возникала нужда в четком ответе или совете. Операторы штаба и соединений разобрали до деталей всю организационную систему, ее взаимосвязь и взаимозависимость, чтобы расписать, как по условному сигналу перейти от обычной готовности, постоянной, к высшей. В то лето в эту работу вовлекли всех командиров. Г. И. Щедрин рассказывал мне, что и на "Щ-110", и на других подводных лодках дни уходили на подсчет, расчет по часам, по минутам, кто и что должен по тревоге делать на боевом посту, в боевой части, на корабле, в подразделении, в соединении, в береговых службах. Командующий советовал подводникам подумать, как "поднять потолок атакующей авиации". Это означало: не допускать атаки с малых высот, если противник застигнет корабль в надводном положении. В виде опыта на "Щ-110" установили лучший из зенитных крупнокалиберных пулеметов того времени, специально изготовленный из нержавеющей стали. На вечере памяти Николая Герасимовича адмирал А. Т. Чабаненко рассказывал, как в тот год тревожила комфлота незащищенность подводных лодок на стоянке от нападения с воздуха. Дивизион, которым командовал Чабаненко, выйдя в отдаленную от Владивостока бухту, отрабатывал новый маневр - срочное погружение прямо на

стоянке. Внезапно на торпедном катере в бухту пришел Кузнецов: "Что будете делать при воздушном налете?" - "Погружаюсь!" - ответил Чабаненко. "Считайте, что налет происходит!" Комдив скомандовал, и по движению головного корабля все остальные легли на грунт. "В годы Великой Отечественной войны, - сказал Чабаненко, - этот маневр получил признание и распространение".

Тревога во Владивостоке оказалась поучительной репетицией, проверкой всего, над чем работали до хасанских боев. Затемнили город, рассредоточили по бухтам корабли, подтянули к Владивостоку истребительную авиацию, артиллерию ПВО, провели срочное погружение подводных лодок, сделали все, что было расписано на бумаге, и обнаружили много прорех. Слишком медленно для действительной войны, не слажено, не уплотнено так, как того требует серьезная опасность. Готовность не только вовремя переданный сигнал. Над ней еще предстояло работать - на тренировках в штабах, в частях, на кораблях. Война может быть еще не объявлена, но сигнал наивысшей степени действует, если достигнуто полное единомыслие на всех уровнях и взаимодействие, если каждый на берегу и на корабле знает, где его место, каковы его обязанности, что он должен прежде всего выполнить, конечно, и тысяча тренировок не создаст у человека абсолютное ощущение подлинного боя. Но подготовленность к бою, знание без прикрас реальности ожидаемого удара и противодействия ему поможет избежать первоначального шока, овладеть и управлять собой. Вера в то, что человек, даже испытав естественный страх, сможет его подавить и не подведет окружающих, придает силу. Главное, что он не один, знает, что на него надеются. Общность - вот что такое корабельный экипаж, она держится на глубоком сознании долга, товарищества и подчиненности, а подчиненность - на вере в то, что старший и сам смел, разумен, опытен, знает, как лучше поступать, способен в трудную минуту сам быстро решать и взять на себя ответственность, озабочен не личной судьбой, а успехом дела. Не эффекта же ради в уставе флота всегда присутствовала и есть первооснова дисциплины: командир уходит с тонущего корабля последним. Такому командиру подчиняются беспрекословно. Когда такой общностью и ответственностью проникнут весь флот, он способен быстро перейти в наивысшую готовность.

Осенью на причале в Золотом Роге Кузнецов встречал гидрографические суда "Полярный" и "Партизан". Построенные в Ленинграде, они прошли почти вокруг света через Атлантику и Тихий океан. О боях на Хасане команды узнали только в Панамском канале, когда в параллельном шлюзе на встречном пароходе японцы воинственно закричали "банзай!", увидев

советский военно-морской флаг. Отрядом командовал давний товарищ, почти сверстник Кузнецова Лев Анатольевич Владимирский. Когда-то за крейсером, на котором находился комфлот Кожанов, шли по Черному морю в ненастье сторожевики. Было страшно смотреть с крейсера, как они кувыркаются на волне. Почти все командиры запросили у комфлота разрешения вернуться в базу.

До конца выдержал только сторожевик "Шторм". Кожанов, не браня остальных, выделил в поучение и пример флоту искусность командира "Шторма" Владимирского. "Фанатик моря" - с ним прошли через тайфуны и циклоны разных широт восемнадцать слушателей высших штурманских классов, среди них и лейтенант Петров-второй. Кузнецов беседовал с лейтенантами об Испании и Хасане. Больше всего рассказывал о Тихом океане - и как тут интересно, увлекательно служить, и как трудно. Какой простор для моряка, сколько кругом чудес. Ему было жаль отпускать лейтенантов на Запад. Словно заманивая, он даже сообщил, что тральщик "Пластун", всего-навсего рыболовецкий траулер в прошлом, наплавал тут за год не меньше, чем они, пройдя вокруг света. Но что поделаешь, лейтенантам полагалось завершить кругосветку по железной дороге и вернуться в Ленинград.

Вступали в строй новые эсминцы, подводные корабли. Дорог каждый знающий офицер. Приходилось осваивать корабли, рискуя, плавая в любую погоду. А были на флоте люди, не только не понимающие, что нельзя стать моряком, не плавая в любую погоду, не желающие в это вникать. О таких людях писал известный подводник-северянин Иван Александрович Колышкин: они додумались до запрета даже погружений, предлагая подводникам учиться этому, не погружаясь, а имитируя погружение. Любой риск они объявляли вне закона, ошибку, допущенную по неопытности, превращали в чрезвычайное происшествие, внушая молодым морякам еще до боя страх, но не перед опасностью, а перед ответственностью. Кузнецов понимал, насколько опасен такой страх для психологии будущего командира, который должен уметь решать, рисковать, брать на себя полную ответственность, вдохновляя тем самым подчиненных. Рассуждая о влиянии нравственного элемента на успех боя, адмирал Макаров на примерах истории доказывал, как губительно "клеймить печатью позора часть своих капитанов, еще не успевших ни в чем провиниться", как подозрительность уничтожает "взаимное доверие и уважение капитанов между собой" и подрывает "вконец ту связь, какая могла существовать между судами".

Случилась в ту осень у подводников "черная пятидневка".

Неопытные лейтенанты при перешвартовках свернули на трех "щуках" форштевни. "Кривоносые", - нарекли их тут же флотские острословы. Носы у "щук" действительно стали кривыми, что, кстати, было их конструктивной слабостью. Но подводникам стало вскоре не до шуток. Переполох, звонки, наверняка куда-то полетели телеграммы, можно ждать запросов: какие приняты меры? Какие могут быть приняты меры? Прежде всего надо разобраться: давно ли командуют, чему учили, в чем были ошибки? Лейтенанты выгораживали себя, как могли, один даже пытался свалить свой грех на подчиненного. Комфлот переговорил с командиром бригады, никто не знал о чем, но разбор в переполненном зале клуба комбриг делал спокойно, доказательно и строго. На разборе присутствовал и комфлот. Он слушал, глядя в зал, понял, что беда не только в необученности, но, главное, в страхе перед возможным жестоким наказанием. Он уже слышал подсказки: "Вредительство!", "Снять!", "Судить!" Не выдержал и спросил одного подсказчика: "А кораблем будете вы командовать?" Нет, не судить, а есть что обсудить. Взяв слово, комфлот сказал, какой нанесен ущерб делу по легкомыслию, невнимательности и неумению самих командиров и плохо ими обученных подчиненных. Но упор сделал на правдивость, на щепетильную честность каждого командира перед собой, перед старшими начальниками и особо перед подчиненными. Он рассказал, как, будучи еще неопытным командиром крейсера, погнул винт о бридель, становясь на бочку вблизи Северной стороны Севастополя. Молодой, не лишенный морского самолюбия, он собрал экипаж и признал: "В аварии виновен только я. Но нам надо вместе подумать, как быстрее ввести крейсер в строй". И за ночь люди сделали, казалось, невозможное: когда на берегу, как обычно, появились к утру севастопольцы, крейсер в полном порядке стоял на якорях. Ради этого многие за ночь ни на минуту не сомкнули глаз. "Думаете, мой авторитет после этого упал? обращаясь к залу, спросил комфлот. - Нет. Он укрепился". Такой поворот разбора стал для молодых командиров, будущих героев войны и флагманов океанского флота, на всю жизнь примером, как, ценя и уважая людей, требовать от них порядочности.

"Это будет твой любимый флот, Николас", - прав был генерал Дуглас. По душе пришелся Кузнецову, уже контр-адмиралу, - в первый раз! - и ТОФ, и Тихий океан. Как комфлот, он стал членом Главного военного совета ВМФ. В Москву ездил редко, досадуя, что это отнимает почти месяц. Дел здесь на годы. Привез жену, готовую к скитаниям, разлукам, радостям и невзгодам - так оно и было в жизни. И опять: в середине апреля 1939 года в Москве, в

кабинете наркомата ВМФ СССР, вскрыв красный конверт из Кремля с Указом "назначить Народным Комиссаром", спросил себя: с чего начинать? Что главное? И задумался: "Как справлюсь?"

6. Высшая ступень

В субботу 21 июня 1941 года Николай Герасимович Кузнецов держал экзамен на государственную и военную зрелость.

Два года назад он стал наркомом. В ночь, когда вскрыл пакет из Кремля, долго сидел один. Все казалось невероятным. За короткий срок такие головокружительные перемены. Тьма бумаг от предшественника на столе. Больше всего неразрешенных запросов судостроителей. Адмирал И. С. Исаков, заместитель по вооружению и кораблестроению, в командировке в США. Некому решать?.. Как работает аппарат? Как действует мозг флота - Главный штаб? С чего начать? Что с утра делать? Нет, не существует школы наркомов. Он сам должен определить главное. Все главное: и штаб, и разведка, и строительство кораблей, баз, аэродромов, авиация, ПВО, боевая подготовка, связь, комплектование, боеспособность и боеготовность флота, но главнее главного организация. Как на корабле. Если идеально отработаны распорядок дня, боевое расписание, обязанности каждого, продумано взаимодействие боевых частей и служб, корабль живет без лихорадки, без сбоев. Упрощенная модель? Наверно. В масштабе государства все куда как сложнее. Но тут собраны умы флота, образованные, опытные моряки.

Первым в ту ночь пришел начальник ГМШ Л. М. Галлер, позвонил, попросился "на доклад". Тогда много работали по ночам - все подчинялось цепочке сверху вниз: один не спит, бодрствует и следующий, по такому режиму жил весь партийный и правительственный аппарат. Утром рабочий день начинался в положенный час. Галлер, поглаживая рыжеватые усы, эту манеру Кузнецов приметил и раньше, сказал, словно успокаивая: "Надо использовать медовые месяцы".

Если б Кузнецов не знал Галлера, столь рациональный совет мог бы и покоробить. Галлер хотел ему помочь: "В первое время ваши предложения будут рассматриваться быстро. И быстро будут принимать по ним решения". Умный, многоопытный человек, он в душе, наверно, тоже удивлен происходящим. Галлер всякое повидал, со многим свыкся и обходил лишние эмоции. Да и чему удивляться, если с момента учреждения флотского наркомата за год с небольшим третий, а то и четвертый нарком.

Наконец-то во главе наркомата моряк и способный человек. Галлер хорошо запоминал людей, даже, как отмечают многие, с курсантских времен. Напутствуя перед отъездом на ТОФ, он

удивил Кузнецова подробнейшими, почти портретными характеристиками командиров, все по памяти, все мягко, кратко, без ярлыков, с подсказкой: кому помочь, на кого можно положиться, а кого полезно передвинуть. Кузнецов и прежде слышал, а за годы работы с Галлером сам убедился, что этот одинокий человек весь для флота, с флотом, внутри флота, иной жизни для него нет и не было десятилетиями. Практицизм Галлера помог Кузнецову собраться - надо начинать, надо знать, с кем ты будешь работать.

Спал ли он в ту ночь или обдумывал предстоящую встречу с подчиненными, не знаю, но утром все начальники управлений и отделов явились в кабинет наркома, куда до того, как помнит вице-адмирал Б. М. Хомич, заходили редко: там прежде восседал случайный, совсем не знающий флота, всем не доверяющий, всех распекающий человек.

Об этой встрече рассказывал мне Николай Иванович Шибаев, адмирал, в то время начальник минно-торпедного управления наркомата. Рассказывал человек, крепко связанный с Кузнецовым и войной, и нелегкими испытаниями в последующем. Он сумел сохранить непосредственность и объективность первого впечатления: "Вошел нарком, я еще его не знал. Молодой, симпатичный, подтянутый. Настроен по-боевому. Расхаживая вдоль длинного стола, за которым мы сидели, излагал свои мысли, требования. Что представляет собой центральный аппарат? Управление органов, подчиненных народному комиссару? Вы, говорит, мои помощники, должны жить только жизнью флота. Это генеральная мысль. Вы здесь служите и работаете только ради флота, и, если вы паче чаяния не знаете в своей области обстановку на флоте, буду спрашивать с вас строго. Между прочим, это на протяжении всей службы с Кузнецовым возрастало; бывало, идешь к нему, волнуешься: а знаю ли вопрос, по которому вызывает? Он от нас всегда требовал исключать лишнюю переписку, И тут сказал: переписка рождается, когда в аппарате не знают обстановку на флоте. Будете чаще бывать на флотах, решать все на месте с командованием флота, избавимся от лишних бумаг, создадите обстановку спокойной, ритмичной работы. Это мое главное впечатление от встречи. И еще одно. Рядом со мной сидел Павел Иванович Судьбин, начальник инженерного управления. Что-то ему показалось смешным, что ли, нарком заметил, быстро подошел, спросил: "Вы что улыбаетесь? Вам не ясны основные требования, излагаемые мною?" Я видел, как менялось лицо моего товарища - от улыбки к испугу. Он встал: "Нет, все ясно". - "Тогда садитесь и слушайте внимательно"..."

- Судьбин ушел из наркомата? - спросил я Н. И. Шибаева.

- Что вы! Судьбин прекрасно работал с наркомом годы...

Конечно, Кузнецов утверждал себя в новой среде как человек с флота, хотя все, что в столь резкой форме он произнес, было сущей правдой. Он этому следовал и сам.

Осенью 1939 года Кузнецов проводил на Балтике большие учения бригады линкоров, которой командовал Н. Н. Несвицкий, крейсеров, эсминцев и подводных лодок. Учения запомнил вице-адмирал Г. Г. Толстолуцкий, известный морякам связист, в то время старший лейтенант. В большой аудитории на линкоре "Октябрьская революция", делая разбор, нарком упрекнул Несвицкого в пренебрежении атаками подводных лодок. Он сказал: линкоры, продолжая идти прямым курсом и не уклоняясь от атак там, где могли бы это сделать, действовали неправильно. "Дядя Коля" - так с любовью называли на линкорах Несвицкого, огромная махина, морской волк, уверен в себе, молодые ловили каждое его слово, чувствуя в нем необычайную силу, - баском прервал наркома и, не стесняясь никого, заявил: "Товарищ народный комиссар, это неправильно!" Аудитория замерла. "Николай Николаевич, - спокойно ответил нарком, - я многому у вас учился и благодарен вам за это. Но сейчас не правы вы: от атак подводных лодок надо уклоняться и на учениях, как в бою. Извольте слушать то, что я говорю", - и продолжал разбор. "Дяде Коле", несмотря на его мужество и самолюбие, пришлось смириться, нарком говорил истину и твердо, уже как нарком. Не только свой авторитет утверждал Кузнецов. Он, надводник, отстаивал авторитет подводных сил перед теми, кто их не ценил, знал он ходячие флотские подковырки. "Водопроводчики", говорили одни. "Самотопы", - отвечали другие. Важно, чтобы шуточки так и остались шутками, не вредя делу.

На флотах говорили: из Москвы повеяло морским ветром. "Наконец-то нашли моряка для руководства флотами, - сказал адмирал Пантелеев, он прослужил на флоте полвека. - Пришлись морякам по душе первые же распоряжения наркома. В конце тридцатых кают-компании превратились в столовые и место собраний и совещаний. Нарком предписал восстановить кают-компанию как место отдыха и воспитания офицеров. Не всем это понравилось, знаю, и в Москве кое-кто пытался воздействовать на Кузнецова, но он был непреклонен, объясняя всю историю кают-компании, ее роль в сплочении офицерского коллектива". И еще одно принципиально важное распоряжение вспомнил Пантелеев. Глубокой осенью все корабли становились в ремонт. Говорили: "Флотом командует директор". Офицеры уезжали в отпуск или на курсы усовершенствования. Нарком в телеграмме флотам

спрашивал: почему все решили, что осенью и зимой войны не будет? "Он установил, сколько кораблей может быть в ремонте. Остальным плавать, стрелять ив орудий и торпедных аппаратов. Эту новость истые моряки восприняли, я бы сказал, с энтузиазмом".

Павел Ильич Мусьяков, в прошлом корабельный матрос, до войны и в осажденном Севастополе редактор флотской газеты "Красный черноморец", а потом и всесоюзной "Красный флот", рассказывал: "Пришел настоящий руководитель флота, которого мы знали не один год. Моряки почувствовали его твердую руку. Решительно улучшилось материальное обеспечение сверхсрочников, нарком дал почувствовать, что сверхсрочники - золотой фонд корабля, они охотнее оставались служить, умело работали с молодыми. Резко улучшилось строительство кораблей, баз и батарей флота. На осенних учениях он вспомнил о знаменитом "первом залпе" крейсера "Красный Кавказ" и на всех флотах началась "борьба за первый залп" - сильный лозунг для повышения боевой готовности и для политработы".

Андрей Трофимович Чабаненко, он после войны командовал Северным флотом, говорил: "Молодому Нахимову было записано в аттестации: "Чист душой и море любит". Это целиком относится к Николаю Герасимовичу. Ему было чуждо самодовольство, характерна принципиальность в решении служебных дел, высокая требовательность к себе и подчиненным. Мы видели в нем достойный для подражания пример - каким должен быть коммунист и военачальник. Он внимательно выслушивал мнение, не совпадающее с его мнением, вникал, разбирался и, если того требовала обстановка, пересматривал решение. С ним было удобно работать, в суть вникал быстро, создавалась благоприятная для откровенного разговора обстановка"...

Как это важно, когда старший создает благоприятную обстановку для смелого высказывания младшим. Люди, прошедшие рядом разные этапы его жизни, отмечали выдержку Кузнецова, терпимость, но и строгость, основанную на знании флота и уважении к подчиненным. Суховат? Внешне - да. Но взгляните на его фотографии с любым из трех сыновей, как меняется, светлеет лицо человека, обычно сурового и даже холодного. Он любил и пошутить - не только в кают-компании, но и на деловом собрании, иногда колко. На совещаниях никого не перебивал, не выносил окриков, многословного мог тактично отрезвить, молча взглянув на свои часы. В вазах на столе стояли яблоки, люди воспитанные дожидались перерыва. Если случалось, что в разгар полемики кто-то набьет яблоком рот, он обязательно спросит, ко всеобщему удовольствию: "А ваше мнение по этому

поводу каково?" Перемену в его поведении, срыв, переход от спокойствия к возмущению сослуживцы наблюдали, когда ему приходилось что-либо выколачивать в смежном ведомстве, добиваться для флота. С наркомом судостроения И. Ф. Тевосяном он прекрасно ладил, видя, что Тевосян не срезает механически заявки флота, не вынуждает требовать с запасом, чтобы ополовиненное как раз и соответствовало тому, в чем действительно нуждается флот. Тот же Н. И. Шибаев запомнил: нарком не терпел завышенных заявок, вообще не терпел ловкачества, интриг, криводушия.

Как огня боялся Кузнецов проникновения в наркомат чиновного духа, эдакой манеры командированных сверху - приехал, разоблачил, разнес, разгромил. "А вы бы на месте помогли!" - вразумлял он разоблачителя. Слово одобрения вообще сильнее разноса, оно ободряет. А осуждение, чем короче и справедливее выражено, тем вернее действует. Человеку виновному надо оставлять надежду. Нет пощады только бесчестью, подлости, злодейству. Запомнил Б. М. Хомич доклад начальника одной из служб: всех на флотах разнес, все плохи, один он, словно сторонний наблюдатель, хорош. "Сколько лет вы тут работаете? - холодно спросил нарком чиновника. - Больше двух лет? Значит, плохо работаете вы, если не смогли за два года исправить положение на флотах. Обязанности начальника вам, очевидно, не по плечу, и об этом вы должны были сами заявить".

"Коллектив добросовестных людей" - вот чего хотел он добиться от аппарата. Можно ли создать коллектив приказом? Это лишь штат, в него надо вдохнуть душу единомыслия и взаимопонимания. Долгий необходим для этого труд. "Объединяет коллектив не здание, в котором он работает, - записал он однажды, размышляя над высказыванием Ленина о важности организационной работы, - главное, без чего он не может существовать, - единство цели, стремление каждого внести свой вклад".

Иногда беглые заметки "для себя", как и письма друзьям, ярче высвечивают не только события, но и личность автора.

Весь предвоенный период, как и война, выразительно и полемично описан Кузнецовым в книгах "Накануне", "На флотах боевая тревога", "Курсом к Победе", в очерках, теоретических статьях, помещенных в изданиях литературных, военных и Академии наук СССР при жизни и посмертно; пересказывать их нет смысла, да и невозможно.

"...Дважды перечитал Ваше письмо. Разложил написанное по полочкам: где шутки, где вещи серьезные, а кое-где и очень важные. Подумал, что и Вы состоите из такой же смеси. Это

хороший сплав - жаро- и морозоустойчив! Ну, шутки в сторону. Спасибо за письмо, теплые слова и дельные замечания.

За небольшим исключением все принимаю к руководству".

В этом ответе старому другу Кузнецов объяснял цель своих публикаций:

"...отчитаться перед бывшими сослуживцами (а заодно и перед широкой публикой) за свою службу в Москве, а раньше всего за предвоенный период и начало войны. Это для меня настолько важно, что я не могу считаться, кто и как на что косо посмотрит. А такие будут... Не сказать, что нужно, о флоте я не мог. Это не мое личное дело... Кроме того, это не просто воспоминания перед смертью, но и раздумья... Будет обидно, если в результате всего написанного не будет сделано ни одного вывода. Я не литератор и не претендую на художественное изложение. Я всю душу вкладывал в написанное в стремлении быть этим полезным. Разве мог я при этом заботиться, "что скажет Марья Алексевна"... Вы пишете, жаль, что наши предки-флотоводцы не оставили мемуаров. Да, жаль. Ну, Нахимовы и Сенявины - это вы, руководители на местах, а я отвожу для себя роль "адмирала-бюрократа" из фильма про Ушакова... Мои мемуары имеют и еще одну цель. Они дают теперь возможность писать, критиковать и полемизировать на флотскую тему... Так почему бы всем Вам, - Николай Герасимович перечисляет несколько инициалов, - не высказаться по серьезным делам прошлой войны... Конечно, адмиралы "выпечки" наших лет уже смотрят назад, но у Вас на подхвате сидят за обеденным столом более молодые, которые смотрят Вам в рот и которым еще, может быть, придется воевать... Буду рад, если мои воспоминания вызовут не только хорошие отзывы, но и сердитые замечания с брюзжанием".

Длинных писем Николай Герасимович не писал. Мысли, развиваемые и в других письмах, возникали в пору глубоких раздумий о пережитом и беспокойства о будущем, естественное беспокойство человека его масштаба и опыта. На его работы теперь все чаще ссылаются как на свидетельства безусловно достоверные. Он до застенчивости сдержанно писал о себе, скрупулезно, иногда, мне кажется, чрезмерно был критичен к себе и в то же время был свободен от предвзятости, хотя имел личные симпатии и антипатии. Все, что им написано, начиная от его лучших книг "Накануне" и "На далеком меридиане", подчинено главной цели: "...чтобы были сделаны выводы". Потому так настойчиво повторяются в письмах разных лет его иронические замечания о злоключениях за письменным столом: "Прежде чем подготовить книгу, приходится обходить много рифов, чтобы

добраться до конечного пункта: книги. Конечно, ошибок делать не следует, хотя и приходится много раз менять галсы: то идти в крутой бейдевинд, то спускаться "на фордачка". Все, конечно, в пределах допустимого"... Или другое: "Сейчас я делаю один вывод: третья часть более содержательна, и, стало быть, нужно "подтянуть" остальные на тот же уровень. Но беда, что автор тянет в одну сторону, а корректирующие - в другую. Вот и происходит такое "перетягивание каната". А так как я фигура "меченая", то против меня выставляются самые рослые "матросы"... И еще: "Относительно советчиков, как заметили, я стараюсь не быть на поводу и уступаю только там, где нет другого выхода. Но не лгу. А кое-что закладываю в "долгий ящик". Обязательно скажу о ГМШ, БФКП и тыле, если не в этой книге, то в следующей (возможно, уже с того света)". Тут он был слишком пессимистичен: о Главном морском штабе, о его роли в войну, а также о тыле флота Кузнецов успел опубликовать очерки в журналах. Все это реплики из писем последнего десятилетия его жизни. В те годы, критикуя при личной встрече одну мою работу, Николай Герасимович сформулировал свои замечания так - цитирую по записочке, которую он держал во время разговора перед собой: "В биографической книге, если она назначена не только для временной пропаганды, нужно уметь раскрыть качество военачальника. Не только говорить, где он был, а рассказать, какую работу проводил, что сделал и в чем заключается его талант. Нельзя вырывать из коллектива и ставить над коллективом. Это не поднимает, а обедняет. Он не парил над флотом, а трудился на флоте вместе с другими людьми. У большого начальника наряду с большими делами бывают и ошибки. Они случаются на фоне жизни и деятельности флота. Их нельзя замалчивать, чтобы описание полезной деятельности, хороших дел не превратилось в лакировку".

Николай Герасимович знал, что я собираюсь писать и о нем. Но таковы были его взгляды, возникшие не на склоне лет.

Были у него слабости, ошибки? Конечно, были. Он их подчеркивал, избегая упреков в необъективности. "...Я умышленно взял на себя всю положенную (но не больше) долю ответственности, чтобы более развернуто написать о виновниках, которые были на самом деле", - сказано в одном из ответов его корреспонденту на упрек в излишней самокритичности по поводу эвакуации Севастополя. В чем действительно была его беда, когда он начал работать в наркомате, поучительная и для других, - в робости перед непререкаемым авторитетом. Он об этом много размышлял, писал, не переоценивая своего стремительного взлета, а объясняя "бурной волной вынужденных перемещений".

Поначалу была естественная неуверенность в себе, мысль многих его современников разного возраста, вечный вопрос честного человека: а может быть, я чего-то не знаю, не понимаю? Нарком не боялся защищать людей. А. Н. Петров, назначенный им командиром строящегося крейсера "Максим Горький", не мог отвечать за то, что в заводе положили на борт корабля негодную сходню, в обеденный перерыв она рухнула. Он сказал Петрову: "Никуда не ходи, никаких объяснений не давай", - и сам отстоял командира. Ему позвонил в годы войны некий чин, грозя покарать ни в чем не повинного командира Керченской базы контр-адмирала А. С. Фролова. "Вы не посмеете!" - ответил Кузнецов, обратился в Ставку и сумел защитить будущего начальника штаба Тихоокеанского флота.

Но свои взгляды на предмет, в котором разбирался лучше других, он на первых порах отстаивал робко. Ничто так не возвышает человека, как преодоление, победа над собой. В том и заключается качественная ступень подлинно государственного мышления, она дается не сразу и не легко. Страх? Известно, что главное - его преодолеть. Это относится к страху в любом его проявлении. Не только в смертельном бою, но и на служебном поприще. Гражданское мужество связано с умением говорить, что думаешь, доказывать, отстаивать свое мнение, свое убеждение, не боясь ответственности и потери расположения или должности, - вот высшая доблесть настоящего коммуниста. Сумел же он вскоре после войны, возражая против разделения Балтийского флота, в чем оказался в конечном счете прав, сказать: "Если не годен, снимите меня!" - и не сник, услышав: "Когда надо будет - уберем". Сумел год спустя решительно выступить против клеветы на адмиралов Алафузова, Галлера и Степанова, обвиненных в рассекречивании давно не секретной парашютной торпеды, о чем писал в "Накануне". Сумел стойко, не изменяя выдержке, перенести назначение в Хабаровск, а потом на ТОФ - вторично командующим. Он вернулся в Москву в 1951 году министром ВМФ СССР и приступил, как прежде, решительно к работе, не дожидаясь восстановления полного звания Адмирала флота.

На Севере в то время случилась беда. Ночью в шторм и туман эсминец при входе в Кольский залив пропорол правый борт крейсера. Утром на причале у борта крейсера ждали министра.

В 1979 году мне об этом рассказывал на Тихом океане мичман Владимир Михайлович Горловой, плавающий на крейсерах 31 год. В то время он был еще старший матрос-сверхсрочник. Несмотря на пережитое, команда утром с волнением ожидала Кузнецова, любому первогодку о нем известно было все. Министр в звании контр-адмирала увидел с

причала, что ему собираются на корабле отдавать, как положено, почести. Он дал знак все отставить, считая торжественность не соответствующей происшедшему. Принял короткий рапорт командира, быстро прошел не в салон, а в кают-компанию, куда вызвали на разбирательство всех очевидцев из ночной вахты, включая Горлового. Запомнилось, Кузнецов строго спросил вахтенного офицера, чем тот помог командиру в сложной обстановке и знает ли он, чему обязывает вахтенного офицера в таком случае устав? Кузнецов по памяти произнес статью устава, забытую вахтенным офицером. Четко ответил на его вопросы и Горловой. Собрав на юте экипаж, Кузнецов сказал: вахта проглядела столкновение, - командир эсминца успел дать задний ход и ослабил удар. "Ваш корабль хороший. Но виноваты вы. Забыли заповедь - береги правый борт. Корабль введем в док. Если вы как следует поработаете и в назначенный срок корабль войдет в строй, доложу правительству, что экипаж хороший. Судьба ваших командиров зависит от вас". И экипаж ввел крейсер в строй до срока, за что министр поощрил многих именными часами и портсигарами. Мичман помнит: в комиссии самый младший по званию был министр. А когда Кузнецову вернули звание Адмирала флота и выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета, он на предвыборном собрании в главной базе КБФ, сдержанно слушая горячие речи, хмурился, улавливал оттенки сочувствия и счел необходимым в конце сказать то, что было деликатно опущено даже в предвыборном плакате. Он сообщил, что партия и государство сочли нужным его наказать, наказание он принял, как положено коммунисту, и потому не допускает никакой двусмысленной жалости и умолчания.

Но это позже. А о "медовых" и последующих месяцах ремарки: "Настаивать не решился", "Убедить не удалось", "Ответа не получил". Нелепо за это корить, надо понять время. Он набирался опыта: отстоял в споре с авиаторами необходимость иметь в составе флотов свои ВВС; не смог сразу убедить, что близкая к границе и тесная Либава (Лиепая) годна лишь как операционная база, но доказал, что линкор "Октябрьская революция" в ней держать нельзя, а потом, за месяц до нападения фашистов на эту базу, получив разрешение, перевел, к счастью, в Рижский залив весь отряд легких сил (ОЛС, как его называли) - новейшие эсминцы и крейсер "Киров", а с ними и бригаду подводных лодок.

Командуя ТОФ, Кузнецов все же не представлял размаха кораблестроения, не думал, что всюду, где только есть верфи, уже стучат молотки. В последней работе, написанной для журнала "Морской сборник" и опубликованной посмертно в двух номерах 1975 года, Кузнецов писал: "Главный морской штаб... считал

тогда, что война начнется не так скоро, и поэтому свои планы и документы готовил с расчетом на "большой флот", понимая под этим готовность многих военно-морских баз, окончание строительства береговой обороны и наличие на театрах сбалансированных флотов (то есть на рациональное соотношение разных кораблей - вплоть до авианосцев, подводных лодок, тральщиков)". Как моряка размах радовал. Как наркома - заставлял задуматься: зачем тесной Балтике новые линкоры? Почему первый авианосец намечено строить лишь с 1941 года? Галлер участвовал в составлении программы, был против линкоров, хотя и плавал на них с юности, но возражать не посмел. Нарком с запозданием, но высказал свои сомнения, "не был понят", запомнил так и неразгаданное "по копеечке соберем, построим" и "ждал подходящего случая возобновить разговор". Сама жизнь вскоре вынудила форсировать сдачу кораблей других классов, пришлось поспешить. Но он сам писал о своей робости, винился не ради покаяния, а в поучение другим. А тогда, начав разбираться, старался робость побороть.

Как нарком ВМФ Кузнецов участвовал в переговорах военных миссий СССР, Англии, Франции в канун второй мировой войны. "Упущенные возможности" назвал он статью в журнале "Новая и новейшая история" в 1969 году. "Я как участник всех совещаний военных миссий остаюсь глубоко убежденным, что советская сторона была искренне намерена заключить договор и военную конвенцию и -создать реальную преграду на пути агрессора... Наивно было рассчитывать на пассивность Советского правительства в условиях, когда западные державы уклонялись от принятия эффективных мер в расчете на близкое столкновение между СССР и гитлеровской Германией... И было бы просто недопустимо игнорировать последнюю возможность отодвинуть войну от границ Советского Союза". Отсрочка войны - -так Кузнецов оценивал пакт с Германией. Он не знал того, что теперь известно всем, - о замысле Гитлера прикрыть подготовку к молниеносной войне против СССР невиданной по размаху дезинформационной операцией: Англию тешить надеждой, что он готовится воевать против русских, а русским внушить, будто его действия преследуют цель усыпить бдительность британцев. Кузнецов понимал: фашизм, если он будет к войне готов, а мы нет, нападет, не дожидаясь повода. Фашистам не нужны ни "выстрел в Сараево", ни провокационный "взрыв радиостанции в Гливице". Война против Советов у них в программе, а вероломство - в крови. Единственный путь - исключить элемент внезапности, вооружать, наращивать, обучать войне флот и быть всегда в состоянии немедленно отразить удар.

Произошла смена начальника Главного штаба - на место Галлера назначили И. С. Исакова, на место Исакова заместителем наркома по вооружению и кораблестроению пошел Галлер. "Роль штаба я понимал и старался придать ему должное значение, - писал однажды Николай Герасимович Алафузову. - Сам я по многим причинам, и прежде всего по сложившемуся прохождению службы, был в этом не силен и мог заполнить брешь хорошей "подпоркой" - теоретически подготовленным начальником ГМШ. Это и заставило меня искать замену Галлеру, которого я не только уважал, но любил за преданность делу, добросовестность, порядочность, пунктуальность и знание флотов. Будь я силен в теории и склонен к этой работе, Галлер, возможно, был бы не хуже Исакова".

В декабре 1940 года на расширенном Главном военном совете под председательством наркома выступил адмирал И. С. Исаков с обобщением и анализом опыта, уроков первого года второй мировой войны на море, разобрал вопросы взаимодействия армии и флота, организационные принципы, особенности морского боя, борьбы за коммуникации, значение различных видов морского оружия.

Историк А. В. Басов пишет, что из многочисленных мемуаристов главным образом Н. Г. Кузнецов касается проблемы стратегического применения флота. Еще в 1944 году он поместил в "Морском сборнике" статью о стратегических задачах флотов и флотилий. В своих работах Кузнецов "разбирает предвоенное строительство флота, боеготовность к отражению внезапного нападения, руководство использованием флота в ходе войны, а также участие флотов в решении отдельных оперативно-стратегических задач".

То, к чему пришли на Тихом океане - ступенчатая готовность, по приказу наркома ГМШ разрабатывал в масштабе всех флотов, точно определив, что следует понимать под каждой из трех ступеней. "Номером три обозначалась обычная готовность кораблей и частей, находящихся в строю... - писал в "Накануне" Кузнецов. - Они занимаются повседневной боевой подготовкой, живут обычной жизнью, но сохраняют запасы топлива, держат в исправности и определенной готовности оружие и механизмы". Готовность № 2 повышенная: "Корабли принимают все необходимые запасы, приводят в порядок материальную часть, устанавливается определенное дежурство. Увольнения на берег сокращаются до минимума. Личный состав остается на кораблях. В таком состоянии корабли могут жить долго, хотя такая жизнь требует известного напряжения". Высшая готовность - № 1. Ее объявляют, когда обстановка опасная, критическая. Все оружие и

механизмы способны действовать немедленно, все по местам. По сигналу каждый корабль и каждая часть знают, что делать согласно заранее отработанным инструкциям, которые у них хранятся.

Еще в ноябре 1939 года, как писал Н. Г. Кузнецов в посмертно опубликованной "Морским сборником" статье, флоты получили приказы о трехступенчатой системе, и ГМШ постоянно контролировал тренировки, учебные переходы на повышенную готовность, вплоть до приема боезапаса и затемнения баз. Не меньше года понадобилось, чтобы флоты научились быстро и точно переходить на повышенную готовность... Шла упорная борьба за время - не только за часы, но и за минуты, даже секунды с момента подачи сигнала до доклада о готовности флота. Дважды в сутки начальник ГМШ, анализируя оперативные и разведывательные сводки флотов, докладывал наркому выводы об их действиях: "С начала 1941 года под контролем штаба были созданы боевые ядра во всех родах морских сил, организованы дозоры и разведка".

Флот видел, как нарастает угроза фашистского нападения: выгрузка орудий для установки береговых батарей в портах Болгарии и Румынии, переброска морем в Финляндию германских войск и техники, появление в нашей операционной зоне фашистских кораблей, "случайные", начиная с января полеты над Ханко, над Мурманском, а потом, в феврале, марте, апреле, открытое появление германских разведчиков над Либавой, над главными базами флотов, фотографирование стоянок. На запросы командующих, как поступать со шпионскими самолетами - они беспрепятственно просматривают базы и корабли, в марте 1941 года нарком через Главный морской штаб ответил приказом: открывать по нарушителям огонь без всякого предупреждения. 17 и 18 марта немецкие самолеты были несколько раз обстреляны над Либавой. Из ведомства Риббентропа посыпались протесты в наш Наркоминдел. Кузнецову был сделан строгий выговор и приказано немедленно отменить распоряжение. 1 апреля ГМШ дал новую директиву: "Огня не открывать, а высылать свои истребители для посадки противника на аэродромы". 5 апреля над Либавой поднялись истребители, пытаясь принудить фашистского разведчика к посадке на наш аэродром. Разведчик ушел, а в Москве германское посольство заявило протест: обстреляли, мол, "разведчика погоды". Ежедневно ГМШ посылал сводки о тревожных предвоенных случаях на море и получаемых из разных источников иных фактах в установленные адреса.

В мемуаристике существует записка Н. Г. Кузнецова от 6 мая 1941 года в правительство: "Военно-морской атташе в Берлине

капитан 1 ранга Воронцов доносит... что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах..." Воспроизведено и мнение Кузнецова: "Полагаю, что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу, с тем чтобы проверить, как на это будет реагировать СССР". Что ж, были у Кузнецова основания считать это сообщение "проверочным"? Мог он быть осторожным в оценках, не зная всего объема получаемой правительством информации? В конце января в наркомат приходил японский военно-морской атташе, возвратясь из поездки в Берлин. Он странно и противоречиво успокаивал собеседников, что в Болгарии войска "партнера по оси" нацелены, мол, на колониальные владения Англии, но тут же почему-то "предостерег": "Не исключено столкновение между Берлином и Москвой"! Дипломаты не бросают случайных фраз, тем более военные агенты. Шла какая-то игра. Важно, что нарком ВМФ, докладывая, как и положено, о каждом подобном факте, делал правильный вывод: 7 мая всем флотам он приказал усилить разведку и дозорную службу.

ГМШ и политорганы без шума, без суеты готовили моряков к опасности нападения, приучали флот к мобилизации по сигналу, а на время учений в мае июне дали четкое указание: если появятся неизвестный подводные лодки или авиация, применять оружие. В июне на двусторонние учения Черноморского флота совместно с войсками Одесского военного округа выехал адмирал И. С. Исаков. Нарком условился, что даст сигнал, если обстановка станет чрезвычайной. Флоту держать оружие в готовности № 1. На учениях Исаков предупредил высших командиров о возможном нападении Германии, сообщил, что по сигналу из Москвы флот должен будет применить оружие. Бригадный комиссар И. И. Азаров, посланный на учения с группой политработников, получил указание наркома и армейского комиссара И. В. Рогова прямо объяснять политработникам на кораблях, что оружие приводят в готовность на случай нападения фашистов. Так совпало, что на кораблях 14 июня приняли сообщение ТАСС, отвергающее "слухи о возможности войны" как "провокационные".

Азаров выступил перед личным составом "Красного Кавказа" и объяснил: сообщение - дипломатическое, надо выиграть время. "А дело военных людей быть всегда начеку". Откровенность удовлетворила моряков.

19 июня 1941 года Кузнецов приказал командующим

флотами и флотилиями западных направлений объявить готовность № 2. Помимо всего это значило: рассредоточить и затемнить корабли и главные базы.

Настала суббота. Нарком ждал приезда вызванного из Берлина военно-морского атташе капитана 1 ранга М. А. Воронцова. Он переговорил с командующим КБФ В. Ф. Трибуцем, с командующим Северным флотом А. Г. Головко, затем с начальником штаба Черноморского флота И. Д. Елисеевым - "все как будто в порядке". Флоты уже три дня в повышенной готовности. Командные пункты развернуты. Увольнение ограничено. Черноморский флот вернулся после учений в Севастополь и перешел не на обычную готовность № 3, а на повышенную готовность № 2. В Доме флота идет концерт, но люди в штабах на месте. Оперативный дежурный по флоту в Севастополе отметил, что немецкие транспорты, которые совершали регулярные грузовые рейсы между нашими портами Черного и Азовского морей и портами Румынии и Болгарии, вдруг все укрылись в болгарских и румынских портах.

Приехал Воронцов, "минут пятьдесят рассказывал о том, что делается в Германии, - вспоминал Николай Герасимович, - нападения надо ждать с часу на час. "Так что же это означает?" - спросил я его в упор. "Это война!" ответил он без колебаний".

После 23 часов Кузнецов передал флотам и флотилиям западных направлений сигнал - готовность № 1. Ценя минуты и опережая телеграмму, нарком снова позвонил в Таллин, в Полярное, в Севастополь и приказал, не дожидаясь посланного сигнала, немедленно переводить флоты на высшую готовность боевую.

Командующий КБФ вице-адмирал Трибуц спросил: "Разрешено ли открывать огонь в случае явного нападения на базы и корабли?" - "Можно и нужно!" ответил нарком, сознавая, что вопрос вызван неоднократными предупреждениями, что не следует поддаваться на провокации. Командующий Северным флотом контр-адмирал А. Г. Головко спросил: "Как вести себя с финнами? От них и с аэродромов оккупированной Норвегии германские самолеты летают к Полярному"... И тут был понятен смысл вопроса: над Полярным, как и над Либавой, часто летали самолеты-шпионы, но сбивать их было категорически запрещено. Нарком ответил: "По нарушителям нашего воздушного пространства открывать огонь". На Черноморском флоте по-прежнему дежурил начальник штаба контр-адмирал И. Д. Елисеев. Телеграмма еще не дошла. Нарком приказал: "Действуйте без промедления. Доложите командующему".

В журнале боевых действий КБФ через две минуты после

окончания разговора с наркомом было записано: "23.37 - объявлена оперативная готовность № 1". В 1.03 телеграмма-сигнал дошла до Севастополя. Через две минуты она была на столе у начальника штаба. О переходе на готовность № 1 Елисеев около часу ночи известил штаб береговой обороны. Получив телеграмму, он вскоре вручил ее прибывшему в штаб командующему флотом вице-адмиралу Ф. С. Октябрьскому. Елисеев потом писал: "Немедленно привели в действие заранее отработанную систему оповещения. Предусматривалось два способа вызова личного состава: через оповестителей (скрытно) и по тревоге. Сначала я приказал использовать первый способ. Стали поступать сообщения, что переход на высшую готовность осуществляется недостаточно быстро. Тогда я приказал сыграть в базе тревогу".

Корабли затемнили еще по готовности № 2. Не светились иллюминаторы кают, все задраено на бронекрышки, бухты в полной тьме. Но город залит огнями - гулянья на Приморском бульваре, толпы на улицах. Когда в 1.15 по всем средствам оповещения объявили тревогу, в штаб стали звонить из города: "Почему снова учения? Дайте людям отдохнуть!" Пришлось выключить рубильник на электростанции, чтобы вырубить в городе свет. Горели еще огни Инкерманских створов и Херсонесского маяка, с ними прервалась связь. Послали оповестителей на мотоциклах. Огни на Херсонёсе и нижнем Инкерманском створе погасли. Верхний горел - единственный огонь в окрестностях Севастополя. Утром выяснили, что часть кабеля вырезана кусками от 25 до 50 метров.

От Ледовитого океана до Черного моря гремели на кораблях колокола громкого боя - тревога. Боевая! В 2.40 22 июня флоты перешли на высшую ступень готовности. Когда начнется война и начнется ли она в эту ночь или в другую, никто не знал. Но каждый был на своем боевом посту: летчик флотской авиации - у самолета, корабельный матрос - на корабле, зенитчик и артиллерист - на позициях батареи. Сигнал действовал.

На полуострове Среднем у 70-й параллели Федор Поночевный летом 1943 года показал мне первую запись о войне, он сделал ее 22 июня 1941 года, будучи еще помощником командира правофланговой морской батареи П. Ф. Космачева; всю войну она вела огонь по морскому противнику с позиции, на которой ее построили. В субботу накануне войны лейтенант Поночевный посмотрел на батарее потрепанную киноленту "Три подруги" и пошел на каменистый берег Варангер-фьорда, где провел ночь при свете негаснущего полярного солнца. Он поглядывал на черный хребет Муста-Тунтури на той стороне, на

чужие бухты Петсамовуоно, откуда часто выходили большие транспорты, предельно загруженные никелевой рудой - стратегической рудой для Германии, а с мая то и дело выскакивал юркий фашистский тральщик: он лез в наши воды, дразня, понуждая бить в колокол и объявлять тревогу, но, едва завидев бегущих к пушкам матросов, убирался восвояси. В ночь с субботы на воскресенье на заливе было пустынно. Лейтенант не знал, что происходило на флоте, не знал об усилении по приказу командующего дозоров в море, о дежурстве летчиков у самолетов, о тревожных переговорах с Москвой и, наконец, о той минуте, когда комфлот получил приказ наркома и объявил готовность № 1. В назначенный срок сигнал дошел и до батареи на Среднем. Лейтенант записал в журнал боевых действий навсегда памятную строку: "Все входящее и выходящее из Петсамо уничтожать". Когда снова появился фашистский тральщик, батарея открыла огонь сразу на поражение. В журнале записано: "Тральщик тонул полторы минуты". Много транспортов, груженных никелем, и боевых кораблей охранения пришлось потом топить этой Краснознаменной батарее, живучей под непрестанными бомбежками, штурмовками и артогнем с противной стороны, но неповторимо торжество, с каким сигнальщик Михаил Трегубов выпалил после первого боя: "Добегался, гад!", а командир орудия Александр Покатаев выдохнул: "Разговелись".

Разговелись! Ждали, не хотели верить, но готовились давно.

Подводная лодка "С-7" возвращалась ночью из дозора. Еще в апреле она встретила в средней Балтике германский линкор "Бисмарк", о чем ее командир капитан-лейтенант С. П. Лисин тотчас известил базу. Его тогда срочно вызвали на берег в штаб, он доложил подробности лично наркому, которого знал по республиканской Испании. Так и хотелось, докладывая, произнести пароль наших "испанцев": "Салуд, камарада!" Но не время и не место... В последнюю мирную ночь Лисин не встретил в дозоре ни одного чужого корабля. Затишье. Но его насторожило, когда чужие шхуны, вечно дежурные и всегда назойливые, шарахнулись, засуетились, завидев его перископ. Лисин уже был близок к базе, когда пришел сигнал - вернуться на позицию, продолжать дозор...

На островке Вайндло в Финском заливе старшина М. Н. Гущанинов принял в те же часы какое-то малозначительное слово, допустим, "сарафан". Нашел в сейфе пакет с подобным обозначением, вскрыл, прочел: война! Все, что положено посту СНиС делать, старшина знал наизусть: девять человек, составляющих гарнизон, должны изготовиться для круговой обороны на каменной гряде длиною в 512 метров и продолжать

наблюдение за морем и воздухом. Фиксировать все: идущие мимо шлюпку или корабль, свой и чужой, летящий самолет, плавающие мины, перископ, любой предмет .на воде и над нею. А долго ли можно продержаться на такой скале? Оказалось, долго. До глубокой осени без смены держался, воевал маленький гарнизон на скале.

На крейсере "Киров", флагмане отряда легких сил КБФ, контр-адмирал В. П. Дрозд собрал в полночь всех командиров кораблей боевого ядра, переведенного из Либавы в Рижский залив. О чем шел разговор, лейтенант А. Ф. Александровский, командир зенитной батареи правого борта, не мог знать. Он безмятежно спал, довольный удачей: раздобыл на берегу дефицитный ложечковый шток для своих пушек, за что ему в поощрение был обещан командиром артдивизиона крейсера съезд на берег в воскресенье. "Кирову" предстояло выдержать еще много боев и в Моонзунде, и в Таллине, и в Финском заливе, и в Неве, сдерживая напор фашистской лавины и обороняя в блокаде Ленинград; и лейтенант еще собьет свой первый юнкере, обороняя Таллин. А в эту ночь колокола громкого боя подняли его по тревоге, у которой не предвиделось конца. Лейтенант получил непривычное приказание: "Убрать с батареи весь учебный и практический боезапас и поднять из погребов в кранцы первых выстрелов боевые дистанционные гранаты". Юнкерсы налетели в конце дня. Открыли огонь зенитки "Кирова" и других кораблей на Усть-Двинском рейде. Лейтенант расстроился: ждал, готовился и не сбил. Но и фашисты сбросили бомбы в стороне от кораблей, не нанеся им потерь.

Раньше, чем в других местах началась война, был атакован далекий от линии первого удара Севастополь. 22 июня около трех часов ночи посты из районов Евпатории и мыса Сарыч донесли о шуме моторов авиации. Самолеты шли к Севастополю на малой высоте. В 3.05 развернутые на огневых позициях зенитные батареи получили донесения о самолетах с постов у Камышовой бухты и в районе Херсонесского маяка. В 3.07 начался налет. Над затемненной базой зажглись, ослепляя летчиков, лучи прожекторов. Вся артиллерия ПВО, универсальные пушки береговой обороны и зенитки кораблей открыли огонь. Закупорить выход из Севастополя противнику не удалось. В ту ночь были сбиты два фашистских самолета. Часть плоскости одного из них днем доставили в штаб флота.

Не удалось закупорить и выход из Кронштадта и Ленинграда магнитными минами, сброшенными противником ночью с самолетов, прилетевших с аэродромов Финляндии. Одна из мин попала в Морской канал. Утром на ней подорвался эстонский

товаро-пассажирский пароходик "Рухну". Эдвард Вахи, старый эстонский капитан, объяснял мне, почему он, спустив шлюпку, высадил буфетчицу и часть матросов, а пароход дотянул до бровки канала и затопил: "Надо же знат1" где можно, где нельзя тонуть, не может морской человек закупорить фарватер, как бутылку".

Бомбили Либаву, там в ремонте остались подводные лодки и эсминец "Ленин", пять суток продолжалась борьба за Либаву, в ней участвовали рабочие отряды, отряды курсантов-моряков, команды ремонтируемых кораблей и стрелковая дивизия генерала Дедаева, она встретила первой удар врага на растянутом участке побережья до самой границы. Генерал Н. А. Дедаев погиб в бою. Командир эсминца "Ленин" капитан-лейтенант Ю. М. Афанасьев принял, как писал Кузнецов, единственно правильное решение, - приказал взорвать лишенные хода подводные лодки и свой корабль и с боем прорвался в Таллин, когда фашисты захватили Либаву. Он был несправедливо обвинен в панике и расстрелян. Спустя годы партия восстановила доброе имя офицера, выполнившего свой долг.

Бомбили и Гангут в первый из 164 дней его героической обороны. Гарнизон этой арендованной у Финляндии базы сразу превратился в осажденный.

Командир Гангута генерал С. И. Кабанов еще два дня назад своей властью задержал в порту рейсовый турбоэлектроход, выдержал телеграфный штурм и натиск, но оказался прав: турбоэлектроход, загруженный семьями гангутцев, вовремя, перед самым налетом "Ю-88" с аэродромов Финляндии, успел уйти в Таллин, сопровождаемый торпедными катерами. Бомбы на порт и стоянку катеров были сброшены впустую...

Ночью, отдав все приказания и выслушав доклады с флотов об их исполнении, нарком прилег в своем кабинете. Глуховатый звонок телефона поднял его на ноги. "Докладывает командующий Черноморским флотом. - По необычайно взволнованному голосу вице-адмирала Ф. С. Октябрьского уже понимаю: случилось что-то из ряда вон выходящее. - На Севастополь совершен воздушный налет. Зенитная артиллерия отражает нападение самолетов. Несколько бомб упало на город..." Это было в 3 часа 15 минут. "Вот когда началось, вспоминал Николай Герасимович. - У меня уже нет сомнений - война!" В стране стало известно о войне в полдень. Нарком еще ночью приказал известить моряков о нападении и отражать удары противника всеми средствами. В 5.17 Военный совет КБФ объявил по флоту: "Германия начала нападение на наши базы и порты. Силой оружия отражать всякую попытку нападения противника". Позвонил наркому из Полярного

А. Г. Головко: "Разрешите бомбить авиацию противника на его аэродромах?" Нарком понял: речь идет об аэродромах не только оккупированной Норвегии, но и формально нейтральной Финляндии. Он ответил: "Разрешаю бомбить германские аэродромы на норвежской территории".

Ох уж эти "стартовые площадки" - термин, хорошо знакомый современникам. Нападающие любят располагать их подальше от своего дома, на чужих территориях, оккупированных или "нейтральных". Никак не полагали фашисты, что ответный удар по Берлину нанесут 8 августа 1941 года морские летчики во главе с командиром минно-торпедного полка КБФ Е. Н. Преображенским с острова Сааремаа на пределе дальности, доступной оружию того времени. Нанесут настолько внезапно, что свет в фашистской столице начнет гаснуть, когда запылают пожары, а флотские самолеты уже лягут на обратный курс. Вермахт возвестил, будто над Берлином сбито шесть английских бомбардировщиков. Англичане в недоумении это опровергли. Все наши летчики вернулись на остров. 5 сентября с острова был совершен уже десятый налет на Берлин. Флот знает: инициатива, разработка, подготовка исходили из наркомата ВМФ; командующего ВВС генерала С. Ф. Жаворонкова нарком направил для этой цели на Моонзундский архипелаг.

С первого утра войны и на долгие годы жизнь связала меня с флотом, с его людьми разных поколений, с его летописью. С кем бы потом я ни разговаривал на Балтике, на Севере, и на Черном море, на Дунае, каждый возвращался к кануну войны и к ее началу. Особенно после катастрофы в Пирл-Харборе, когда японская авиация внезапным ударом разгромила беспечно сосредоточенный в главной базе тихоокеанский флот США. Нам было тяжко, очень тяжко, но с нашим флотом этого не случилось. Он во всеоружии, в пределах того, что ему было дано в довоенные годы, встретил первый удар, не случайно обращенный не только на главные жизненные центры нашего государства, но и на военно-морские базы - передовые и отдаленные. Не были потеряны в тот день ни один корабль, ни один самолет, не был допущен на наше побережье ни один десант, не была взята врагом с моря ни одна база - ни тогда, ни в течение всей войны.

Так на высшей ступени готовности к бою встретил войну Военно-Морской Флот. Молодой нарком выдержал испытание на военную и государственную зрелость. Начало, готовность № 1 - его высшая заслуга перед Родиной, вошедшая в историю. Впереди - годы войны. На недели, на долгие месяцы оттягивали на себя силы от направления главного удара: Либава - 5 дней обороны, Таллин - 24 дня, Моонзундский архипелаг - полтора

месяца, непобежденный Гангут - 164 дня, непокоренная Одесса - 73 дня, героический Севастополь - 8 месяцев, Мурманск - 3 месяца противостояния активному наступлению и годы труда и жизни под бомбежкой, Ораниенбаумский плацдарм 28 с половиной месяцев, Новороссийск - 23 дня и год борьбы разрушенного города-фронта, Туапсе - 3 месяца, полуострова Рыбачий и Средний - щит Кольского залива, где морская пехота выстояла у пограничного знака на Муста-Тунтури, островки, посты на скалах, очаги сопротивления на приморских флангах гигантского фронта. Стотысячную группировку, нацеленную на Ленинград, оттянули на себя в первые месяцы войны передовые базы и опорные пункты КБФ. Трехсоттысячную группировку противника сковал и обескровил Севастополь, препятствуя наступлению фашистов на юге. Флот с первого дня войны стал не только надежной опорой фронтов на всех морских и речных стратегических направлениях, не только сражался рядом с армией в боях оборонительных и наступательных огнем своей мощной и дальнобойной артиллерии, корабельной и береговой, силами мобильно формируемых из корабельного личного состава бригад и отдельных батальонов морской пехоты. Флот, его авиация, его корабли, подводные и надводные, прорывая минную и артиллерийскую блокаду на морях, реках, озерах, вели многообразную боевую работу, питали армии горючим, продовольствием, боеприпасами, перебрасывали отдельные части, соединения, целые армии водным путем в Заполярье, под Ленинградом, на Волге, на Днепре, на Дунае, на Черном море, кормили осажденный Ленинград, вывозили из него раненых, детей, больных по "Дороге жизни" через Ладогу совместно с армейскими автомобилистами - героями ледовой трассы и мужественными летчиками транспортной авиации, воздушный мост бесперебойно работал над Ладогой в течение девятисот дней блокады. Военно-морской флот сохранял надежные коммуникации, внутренние и внешние, международные, провел морские транспорты с сотней миллионов тонн различного груза на фронты, высадил более 110 морских оперативных и тактических десантов, громил конвои противника, топил его транспорты с войсками, техникой, стратегическим сырьем, вместимость уничтоженных силами нашего флота военных транспортов врага превысила три с половиной миллиона тонн; авиация флота над морем и над сушей и во время превосходства врага в воздухе, и в период, когда героический рабочий класс сумел обеспечить нам превосходство в небе, уничтожила 5509 самолетов противника. Силы флота за годы войны потопили более 1300 вражеских военных кораблей и вспомогательных

судов. Это лишь часть тех выверенных историками цифр, отражающих действия флота на море, в воздухе и на суше.

Моряки воевали всюду, не было крупного сражения, в котором не участвовали бы воины, сберегшие тельняшку или бескозырку. Полмиллиона матросов и офицеров, закаленных морской службой, обученных в высших училищах или в учебных отрядах, сражались на сухопутье. Москва, Ленинград, Ханко, Одесса, Севастополь, Новороссийск и его Малая земля, Арктика, Приазовье, Прут, Днестр, Дунай до самой Вены и Баварских Альп, Болгария, Румыния, Белград, Будапешт, Одер, Шпрее, Берлин, Амур, Сунгари, Корея, Порт-Артур, Сахалин, Курилы - так сложилась война, что флот и его люди воевали и на море, и под водой, и в воздухе, и на сухопутье.

В начале сентября 1941 года в решающие для Ленинграда дни Ставка направила Кузнецова в Ленинград. Флот, его форты, сосредоточенные на позициях от Кронштадта до Невы корабли стали огневым щитом города, крушили противника, его танки на рубеже Пулковских высот, на всем обводе замкнутого кольца. Корректировщики с кораблей, снабженные рациями, часто оказывались впереди переднего края, цепляясь за каждый вершок земли, истекая кровью, пехота изматывала врага, корректировщики оставались на нейтральной полосе, вызывая огонь корабельных орудий, по сути, на себя. Это позже, когда враг вынужден был перейти к обороне, флот создал на вершине эллинга судостроительного завода имени Жданова общий корректировочный пост, где работала под огнем группа флагманского корректировщика КБФ Николая Николаевича Ротинова, до войны преподавателя корабельной артиллерии в училище Фрунзе. А в сентябре, когда враг еще не потерял надежду захватить и уничтожить Ленинград в бою, а не голодом, дальнобойная артиллерия кораблей вела огонь по площадям на подступах к городу, выполняя заявки армии с помощью своих радистов-корректировщиков. Крейсер "Максим Горький" вел огонь из Торгового порта, залечивал ранения, получаемые в бою с фашистской артиллерией и авиацией, менял пристрелянные противником позиции и снова бил из своих скорострельных мощных орудий. Этот корабль, достроенный перед самой войной, перенес во вторую ночь войны тяжкую травму: прикрывая в районе острова Хийумаа минные постановки, производимые нашими кораблями, он сам подорвался на минах фашистов, очевидно магнитных, потерял носовую часть, но смог, искусно заделав переборки в месте ранения, своим ходом, хоть и ограниченным, дойти под охраной других кораблей до Кронштадта. Там силами экипажа, кронштадтских и

ленинградских рабочих в сжатый срок крейсер был восстановлен, строитель его корпуса инженер А. С. Монахов приделал ему носовую часть с форштевнем от недостроенного корабля нового проекта. И вот крейсер, приняв боезапас, пришел из Кронштадта в Ленинград и вел огонь по Пулковским высотам. В эти дни на крейсер пришел нарком. Командир корабля А. Н. Петров-первый, его старый знакомый, взволнованно спросил Кузнецова: "Николая Герасимович! Мне приказано на случай прорыва врага приготовить корабль к взрыву. Куда я дену команду? Я должен буду уйти вместе с экипажем на берег воевать, а у меня уже все винтовки забрали. Нам, говорят, шлют сапоги союзники. Нам винтовки нужны!" Нарком тяжело вздохнул: "Без сапог тоже воевать нельзя. Вот враг налегке пришел, думал за месяц справиться, поглядим, какой он будет зимой. Потерпи. Считай, что не придется тебе сходить с корабля. А стрелковое оружие сейчас морской пехоте вот как необходимо", - и провел ребром ладони по горлу.

Маршал В. И. Чуйков так писал о моряках Волжской военной флотилии, об их роли под Сталинградом: "...если бы их не было, возможно, 62-я армия погибла бы без боеприпасов и без продовольствия и не выполнила бы своей задачи". Но флотилия не только держала переправы, живой мост между левым и правым берегами, она и во время Сталинградской битвы и после нее сохраняла нашу главную нефтяную коммуникацию, питающую бакинской нефтью фронты и флоты. После катастрофы под Сталинградом фашисты, решив парализовать волжскую коммуникацию, сформировали минно-заградительную авиаэскадру из хейнкелей и юнкерсов. Днем их самолеты фиксировали движение судов вверх по реке, ночью массированно ставили магнитные и акустические мины. Рвались на минах баржи, пылала залитая нефтью река, возникали пробки, скопления судов с горючим в низовьях Волги. Ставка приказала Кузнецову ликвидировать опасность в преддверии решающего удара по врагу на Орловско-Курском направлении.

"Три наркома, Н. Г. Кузнецов, морского флота - П. П. Ширшов и речного З. А. Шашков, вылетели на самолете ВМФ в Сталинград, - рассказывал мне Н. И. Шибаев, в то время начальник минно-торпедного управления. - Новым командующим Ставка назначила контр-адмирала Пантелеева... Наркомы по-фронтовому определили характер взаимодействия военных моряков, моряков гражданских и речников на этом волжском стратегическом направлении: круглосуточное наблюдение за рекой, мобилизация всех железных барж в качестве тралов против магнитных и акустических мин и буксиров - в качестве

тральщиков для бригад траления, проводка караванов. Началась круглосуточная боевая работа. Нарком вскоре поручил мне проверить бдительность постов наблюдения за рекой и воздухом. Ночью на глиссере я шел от поста к посту. Мотор сильно мешал, но все же я услышал - летит самолет. Отметил: слева по борту метрах в тридцати всплеск, самое время проверить пост. Вышел на берег у большого селения. На посту старик - в сапогах с галошами, в ватнике. Волжский бакенщик, всю жизнь навешивал по ночам на фарватере фонари. Что, спрашиваю, нового на реке? А вот, говорит, самолет прошел. Куда? Показывает: пересек зеркало реки и сбросил мину. А направление? Волга-то широка. Покажу, говорит, и направление. Мы ж этим бакенщикам не смогли приборов дать, не было. Вышел он из положения. Показывает мне на большой круг, в центре луночка, по окружности вбиты колышки, ложись, говорит, адмирал, вот сюда, мы с тобой росту равного, где колышка нет, там и направление. Оказывается, радиус круга - его рост: услышав звук самолета, он ложится, ноги в луночку, лицо - на реку. Где мина упала, в том направлении и колышек выдернут, старик же, как стрелка, вращается за самолетом. И ведь все совпало точно. Доложил об этом наркому, он приказал Пантелееву: бакенщика наградить, а его выдумку - хоть и примитивную, но верную - распространить на все посты".

Появилась карта миноопасных мест на фарватере, началось успешное траление, ежедневно флотилия докладывала в ГМШ обстановку на реке. За движением нефтяных барж постоянно следила Ставка. Нарком уже собирался вернуться в Москву, когда утром начальник штаба флотилии В. В. Григорьев доложил, что на мине взорвалась канонерская лодка - старый колесный пароход. Сила взрыва полутонной немецкой мины на мелководье была колоссальной, это место было протралено десять раз, взорвалась мина на одиннадцатый раз. Она оказалась большой кратности действия. Командующий растерялся: это была первая при нем потеря. Кузнецов, заметив его состояние, сказал: "Слушайте, Пантелеев! Вы думали, что, раз вы вступили в командование, корабли сразу перестанут подрываться? Это более чем наивно. Надо быстрее создавать надежную систему траления". Нарком и его помощники уехали, когда все наладилось и поток горючего шел бесперебойно.

Руководство воюющим флотом, организация взаимодействия со всеми видами вооруженных сил были делом сложным, нелегким, особенно в первый период войны, когда по сложившимся обстоятельствам флоты были оперативно подчинены фронтам, иногда армиям. Наркому, Главному штабу

приходилось через Ставку регулировать взаимоотношения, чтобы флот мог удовлетворять и потребности сухопутных сил, и столь же насущные для войны потребности действий на море, решать специфически флотские задачи, которые ставила Ставка. Главный штаб, командование флотами и флотилиями и стоявший во главе ВМФ нарком и здесь выдержали испытание. Сумел ли нарком создать "коллектив добросовестных людей"? Сумел - и на флотах, и в центре. Коллектив, объединенный не крышами зданий, не только приказами - единомыслием. Сумел сохранить стабильность, несменяемость управления. "Я же с ними со всеми работал! - сказал мне однажды Николай Герасимович, беседуя о достоинствах и слабостях соратников по войне. - И никого не отдал". Дружно, согласно работал с Иваном Васильевичем Роговым, начальником ГлавПУРа ВМФ, так же как и Кузнецов, членом ЦК партии, человеком суровым, храбрым, неутомимым, кристально честным и беспощадным к любому нарушению долга и морали.

Не хочу идеализировать человека, о котором пишу, да и он этого не желал. Его заслуги оценены многими наградами. Впереди долгие годы безупречной службы и упорного труда за письменным столом во имя безопасности государства. "Чтобы были сделаны выводы". К этому труду он относился щепетильно и внимательно прислушивался к мнению соратников. "В Вашем письме я нашел кроме изложения фактов и советов, на что нужно обратить внимание, довольно юмора, а иногда и "шпилек" в адрес автора, - писал он однажды. - Но все это считаю оправданным. Обычное хвалебное письмо (которому я знаю цену) мне пользы не приносит, а суровая, хотя и неприятная, критика позволит улучшить книгу. Сегодня же собираюсь работать над нанесенными мне побоями. Но болезнь излечима"... Но на своем стоял. "О роли наркомата, - писал он в другом письме, - тебе известно, что было именно так, как я пишу, а не иначе. Это особенно справедливо для первого периода войны. Мне никак нельзя уклоняться от истины и писать, что я все знал своевременно"...

Когда листаешь опубликованное Николаем Герасимовичем, удивляет, как много им написано о войне, ее уроках, опыте и вообще о флоте и людях флота, неожиданно много. Помимо четырех книг, переведенных на многие иностранные языки, он писал об участии моряков в обороне Москвы, о роли флота в борьбе за Ленинград, Ладожской флотилии на "Дороге жизни", моряках в Сталинградской битве, северных морских конвоях, принципиальных вопросах организации флотов и руководстве ими в Великую Отечественную войну; о Ялтинской и Потсдамской

конференциях, в которых участвовал как главком ВМФ СССР, о завершающем этапе войны против японского милитаризма, войны, во время которой Кузнецов как член Ставки Верховного Главнокомандования был заместителем маршала Василевского и координировал с сухопутными силами на Дальнем Востоке действия Тихоокеанского флота и Амурской флотилии; о национально-революционной борьбе республиканского флота Испании; даже сложно перечислить все напечатанное им в журналах "Новая и новейшая история", "Вопросы истории", "Военно-исторический", "Международная жизнь", "Морской сборник", "Октябрь", "Нева", "Новое время", в сборниках Академии наук СССР и Воениздата. Про Николая Герасимовича никак не скажешь, что он был в отставке. Он жил с флотом и продолжал служить флоту, сумел изучить английский язык настолько, что переводил специальные статьи для ряда военных журналов, редактировал и снабдил предисловием книгу о разгроме конвоя "PQ-17", перевел книгу Джеймса Калверта "Подо льдом к полюсу", на основе первоисточников написал для академического журнала посмертно опубликованные в 1975 году размышления "Некоторые вопросы океанско-морских операций английского и американского флотов в годы второй мировой войны".

Интересы флота для него были органически связаны с интересами родной страны. В течение одного месяца 1944 года были сформированы команды моряков для отправки в Англию за кораблями, получаемыми взамен положенной нашей стране доли трофейного итальянского флота. Напутствуя эти команды, Кузнецов сказал: "Вы отправляетесь получать не дар, а то, что нами оплачено кровью. Помните это". Запомнили все, кто принял для Северного флота эсминцы, провел их через воюющую Атлантику, воевал на них на арктических коммуникациях.

Достоинство и интересы дела, которому Кузнецов служил всю жизнь, служил сознательно с того дня, когда не стало Ленина и он почувствовал на своих плечах "груз новой ответственности", он отстаивал всюду и всегда. Глубокой осенью 1945 года, уже после Потсдама, после Хиросимы, Николай Герасимович возвращался с Дальнего Востока в Москву, срочно вызванный Ставкой. В пути в самолете он набрасывал заметки к программе океанского судостроения. Линкоры - нет, "Тирпиц", которого в конечном счете прикончила авиация, больше сковывал флот Германии, чем действовал... Крейсеры, эсминцы себя оправдали. Подводные лодки перспективны, но без поддержки надводных сил и авиации им нет оперативного простора. Авианосцы!..

Так всегда. "Ни дня без строчки". Ни дня без дела. Заметки, записные книжки, машинописные листки, выписки - следы

напряженной работы. Он пишет одну за другой статьи и очерки о Л. М. Галлере, И. К. Кожанове, Р. А. Муклевиче, В. М. Орлове, В. К. Блюхере, Б. М. Шапошникове, И. В. Рогове...

Он настойчиво следовал принципам, которые приходят не из колыбели, а с годами самовоспитания, тем лучшим качествам и чертам характера, которые присущи человеческой натуре, но могут быть либо заглушены привходящими обстоятельствами, либо развиты, выращены и собственной волей, и средой.

Недавно я прочел высказывание старого каталонца, одного из крупнейших художников мировой культуры XX века Дона Пабло Казальса, "первой виолончели мира", как его называли, страстного борца против Франке, против фашизма: "В основе каждого из нас заложены порядочность и доброта. Если мы прислушаемся к себе и будем действовать в соответствии с ними - мы дадим жизни, миру то, в чем они нуждаются больше всего. Это не так сложно, хотя и требует известной храбрости. Человек должен прислушиваться к своей доброте и действовать в соответствии с ней. Достанет ли у нас мужества оставаться самими собой? Вот в этом суть".

Три сына - Виктор, Николай, Владимир - в разные периоды его жизни учились в Нахимовском и в высших военно-морских училищах. Его надежда вырастить честных, образованных, верных Родине сыновей, конечно же моряков. Но, не насилуя склонностей, - это сквозит в каждом из писем сыновьям. Без нажима, нотаций, мужской разговор в духе климата семьи, чурающейся избранности, протежирования. "Мама, - твердил Вере Николаевне младший из сыновей на крутом повороте их жизни, - не надо, чтобы отец о чем-либо просил". Отец и не просил, хотя могли это счесть гордыней. В училище однажды приехал главком, Адмирал флота Советского Союза - вахта не прозевала, возникли положенные по инструкции движения; он все отменил, сказал, что приехал к сыну отец и нет оснований для уставных церемоний, для встреч с родителями существует отведенная на то комната. Он и сыновей воспитал в убеждении, что родство не облегчает, а обязывает. Шло сокращение Вооруженных Сил. Николай писал отцу, что хочет перейти в гражданский институт. Досадно. Но помимо склонности сына к науке неотразим аргумент: "Пойми, меня наверняка оставят ради тебя, а другого, который очень хочет остаться, отчислят, и это будет несправедливо"...

Справедливость, как и порядочность, - не старание, а заповедь жизни, натура. "На редкость порядочный человек", - сказал в декабре 1974 года при прощании с Николаем Герасимовичем В. К. Коккинаки, дважды Герой Советского Союза,

известный поколениям советских людей летчик-испытатель. "Верный слову" - это одна из характеристик, высказанных Ю. А. Пантелеевым. Он вспомнил, как при сложнейших обстоятельствах войны, возглавляя вывод ледоколов из Арктики через зону активного действия фашистских подводных лодок, он, Пантелеев, не отвечал на вызовы и наркома, и комфлота, молчал до прихода в Архангельск, был срочно затребован к телефону правительственной связи, выслушал гневный упрек, напомнил наркому про его устное разрешение не выходить в эфир, блюсти радиомолчание, устное, а не письменное - нарком смолк, вспомнил и внятно подтвердил: "Вы действовали правильно".

Таких отзывов много - разных лет, от разных людей, никогда ему не безразличных, будь то маршал, академик, артист, режиссер или рядовой матрос, лично знакомый и незнакомый.

Александр Михайлович Василевский, Маршал Советского Союза после кончины Н. Г. Кузнецова писал семье покойного, что он хранит постоянную память "о редкостном человеке, талантливейшем военачальнике и любимом друге Николае Герасимовиче, отдавшем все, что он мог за свою жизнь, делу укрепления, развития и победы наших славных Вооруженных Сил".

Далеко вперед ушел наш современный океанский флот: иные люди, иная техника, иное оружие, другой отсчет времени. Но была и осталась основа основ его жизни - единая для всех Вооруженных Сил - постоянная высокая боеготовность. От поколения к поколению, на каком бы уровне ни был флот, его пронизывает неразрывная революционная связь - от Октября до наших дней.

В Котласе есть улица имени Н. Г. Кузнецова. Будет, наверняка будет в морях плавать и корабль с его именем на борту.